

ЭТО НАСТОЯЩАЯ КОСМИЧЕСКАЯ ОПЕРА,
ПОЛНАЯ НЕИЗВЕСТНОСТИ И ТАЙНЫ.

Barnes&NobleSFF.com

ГАРЕТ Л. ПАУЭЛЛ УГЛИ ВОЙНЫ

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

Звёзды новой фантастики

Гарет Пауэлл

Угли войны

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Пауэлл Г. Л.

Угли войны / Г. Л. Пауэлл — «Азбука-Аттикус»,
2018 — (Звёзды новой фантастики)

ISBN 978-5-389-18636-1

«Я не машина; я существо, в котором смешались человек и животное... Я в родстве с птерозаврами, с древними волками и ястребами». Так думает о себе «Злая Собака» – межгалактический тяжелый крейсер класса «хищник», первоначально созданный для разрушения и убийства, но, в отличие от своих диких предков, «отрастивший» себе совесть. После недавнего окончания кровопролитной войны, уничтожившей Пелапатарн – планету с уникальной биосферой и мыслящими джунглями, – команда «Злой Собаки» во главе с капитаном Салли Констанц выполняет гуманитарную миссию. Получив задание оказать помощь лайнеру, разбившемуся при странном стечении обстоятельств, капитан вынужденно берет на борт двух агентов, некогда принадлежащих к враждующим группировкам. Их очень интересует один из пассажиров потерпевшего крушение лайнера... Вскоре обычная спасательная операция превращается в опасный рейд. Угли войны еще тлеют, и чтобы раздуть ее снова, достаточно единственного неверного шага. Удастся ли «Злой Собаке» погасить конфликт, который может охватить всю галактику? Впервые на русском! В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-18636-1

© Пауэлл Г. Л., 2018
© Азбука-Аттикус, 2018

Содержание

Пролог. Пелапатарн	7
Часть первая Три года спустя	9
1. Сал Констанц	9
2. Она Судак	13
3. Аштон Чайлд	16
4. Сал Констанц	18
5. Злая Собака	21
6. Сал Констанц	23
7. Аштон Чайлд	27
8. Сал Констанц	31
9. Сал Констанц	36
10. Злая Собака	39
11. Она Судак	42
12. Сал Констанц	44
13. Злая Собака	47
14. Нод	48
15. Сал Констанц	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Гарет Л. Пауэлл

Угли войны

Gareth L. Powell
EMBERS OF WAR

© Г. В. Соловьева, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Эдит и Розы

Кровь была ее аватарой и печатью...
Эдгар Аллан По. Маска Красной смерти

Пролог. Пелапатарн

Еще один корабль, сбитый миниатюрной, как булавка, боеголовкой с антиматерией, выпал из тактического построения – и у капитана Аннелиды Дил в штабной каюте «ятагана» «Праведный гнев» вырвалось злобное ругательство. Корабли внешников, обороняя штаб командования на планете, дрались с неожиданным упорством. Если бы пробиться за их строй, определить бункер, где проходит конференция, и уронить на него боеголовку приличных размеров, – войне конец. Дил одним ударом сумела бы выполнить приказ: обезглавить вражеское командование и привести в беспорядочное расстройство их войска.

Доклады разведки позволяли предположить, что операция будет несложной: туда и обратно. Внешники, чтобы не привлекать внимания, держали здесь минимальный флот. Теоретически Дил должна была разметать его без особого труда. Только вот никто – может быть, даже сами внешники – не предвидел, как неистово они будут драться. Флот Конгломерата уже потерял пару фрегатов и легкий крейсер. Там, где, разбрасывая искры и куски корпуса, крейсер падал сквозь атмосферу, еще тянулся к ночной стороне Пелапатарна дымный след, указывая на рассыпанные по океану обломки крушения.

По кораблю разнесся сигнал тревоги. Приближались новые ракеты.

Капитан Дил сжимала края планшета с тактической схемой. Вокруг ждали ее решения мрачные и нервные лица лейтенантов в голографическом изображении.

– Не пробьемся, – сказал один из них, и Дил увидела, что он прав.

Основные силы флота внешников скопились между ее кораблями и планетой. Любой снаряд перехватят и уничтожат еще над атмосферой. Оставалась надежда самой пробиться сквозь блокаду. Но это – потеря времени и людей. Ее «ятаганы» быстрее и современнее крейсеров Внешнего флота, а у врага стена за спиной. Пока она выйдет на расстояние удара по планете – если выйдет, – собравшийся на совещание штаб внешников успеет рассредоточиться. Чтобы закончить войну, бить надо было сейчас.

Вызвав штаб флота, Дил узнала, что с Холодного Тора к ней идет стая в четыре «хищника». Такого подкрепления недостаточно, чтобы решительно переломить ход сражения, но начальство нашло им другое применение.

А ей было поручено отдать приказ.

– Соедини меня с «Адалвольфом», – обратилась она к связисту.

– Есть, капитан!

Тускло осветился главный экран, на нем возникла голограмма: бритый череп и густая кустистая борода. Капитан «Адалвольфа» Валерий Яша Барков лежал в командном ложементе, от которого к гнездам на его затылке тянулись волоски оптоволоконных кабелей.

– Добрый день, – на русском поприветствовал он Дил и по-волчьи оскалился, откровенно радуясь предстоящему бою. – Вот-вот буду с вами.

– Нет, капитан, – покачала она головой, – у меня для вас другое задание.

Барков изогнул бровь:

– Приказывайте, исполню.

Дил, опершись руками на стол, склонилась к нему:

– Вы должны проскочить за флот внешников. В битву не ввязываться. Ваша цель – планета.

Недоумение на лице Баркова сменилось недовольством.

– Но ведь еще не известно, где проходит конференция. Пока проведем разведку джунглей, подтянутся корабли внешников.

– Поэтому разведку приказываю пропустить.

– А что же бомбить? – растерянно спросил он.

Дил сглотнула. Услышала стук собственного сердца.

– Всё.

Барков беззвучно пошевелил губами, не произнося слова вслух, и наконец выговорил:

– Вы хотите уничтожить мыслящие джунгли Пелапатарна?

Капитан Аннелида Дил почувствовала, как холодный пот выступил у нее на лбу.

– Нам приказано сбрить их под корень, – процедила она.

Старый боевой конь мгновенно совладал с изумлением. Глубоко вобрав воздух в пещеры ноздрей, Барков вытянулся в струнку:

– Будет сделано.

Капитан Дил наблюдала за все소жжением из рубки «ятагана». Она хотела видеть исполнение приказа не в компьютерной графике, а своими глазами. Ей было известно, что внизу, в джунглях, находятся солдаты обеих воюющих сторон и несколько тысяч гражданских. Но Дил говорила себе, что жертвы оправданны. Она не сомневалась в правоте вышестоящих: быстрый и решительный конец войны в итоге спасет больше жизней, чем будет потеряно в этом огненном вихре.

Когда над единственным суперконтинентом планеты встало первое грибовидное облако, она ощутила мгновенную пустоту в желудке – словно отказала гравитация. В рубке все замерли. Даже внешники прекратили обстрел.

Четыре «хищника», пулями пронесаясь сквозь нижние слои атмосферы, выпустили на волю весь арсенал, заливая пятисоткилометровые полосы перед собой огнем и смертью. Атомные взрывы изрыли землю кратерами и подожгли миллионы квадратных километров растительного покрова. Заряды с антиматерией вгрызались в самую плоть планеты, вырывая и выбрасывая в небо огромные фонтаны грунта и камня, а боеприпасы меньшего калибра осыпали каждую подозрительную цель, срезая все, что шастало, ползало или летало.

Хватило одного захода.

Они явились из ниоткуда и таким же прыжком ушли, не дав вражескому флоту времени развернуться. После себя они оставили пылающую миллиардолетнюю биосферу и задушенную пеплом с радиоактивной пылью атмосферу.

Пожар бушевал шесть недель.

Война закончилась в первую.

Часть первая Три года спустя

...Как ужасный океан со всех сторон окружает цветущую землю, так и в душе у человека есть свой Таити, свой остров радости и покоя, а вокруг него бушуют бесчисленные ужасы неведомой жизни¹.

Герман Мелвилл. Моби Дик

1. Сал Констанц

– Я слышу стук, – склонившись ниц, сообщила Альва Клэй и, откачнувшись на пятки, опустила со лба защитную маску. – По-моему, как минимум двое.

Не вставая с корточек, она зажгла резак.

– Эй, Джордж, – отвернувшись от пламени, окликнула я, – здесь еще люди. Идите сюда.

На дрейфующей корме поднял голову от носилок с пациентом одетый в броский оранжевый комбинезон медика Джордж Уокер.

– Да, капитан, – отозвался он и тяжеломерно зашагал ко мне – старику нелегко было удержаться на качающейся, стонущей под ногами палубе.

– Мы нашли выживших, – сказала я.

Из другой дыры, прорезанной Клэй в обшивке разбившегося разведывательного корабля, мы уже вытащили четверых, но только одного – живого.

«Хобо» погружался в океан. Над поверхностью воды торчала сейчас лишь верхняя площадка в несколько десятков квадратных метров. Сбоку от меня лениво плескались подкрашенные солнцем розовые волны. Я потерла лоб. Как же это вышло? «Хобо» занимался исследованием планет для колонизации. Как эти болваны умудрились грохнуться да еще затопить весь корабль?

Мое спасательное судно «Злая Собака» громадной бронзовой пулей зависло в воздухе сотней-другой метров к востоку. До вступления в Дом Возврата «Злая Собака» была тяжелым крейсером класса «хищник» и служила одной из крупнейших группировок человечества – Конгломерату. Восемьдесят пять процентов ее массы составляли двигатели. Плавные линии обтекаемого корпуса искажало множество выступов и проемов: оружейные гнезда, датчики, ангары для дронов и пустые ракетные установки.

– Как дела, корабль? – обратилась я к ней.

Она ответила через имплантированную в мое ухо капсулу:

– Мне не удалось восстановить базовую личность «Хобо». Я добралась до ядра, но, по-видимому, он стер высшие функции.

– Даже черный ящик? – нахмурилась я. – Зачем он это сделал?

– Согласно последним сохраненным данным, он счел себя виновным в крушении.

На горизонте скапливались тучи, грозили затмить низкое, отливающее кровью солнце. Морской бриз ерошил мне волосы. Я запахнула и застегнула на молнию пилотскую куртку.

– Это необычно?

Я впервые слышала о преднамеренном самоубийстве наделенных индивидуальностью кораблей.

– Разведчики есть разведчики, – хладнокровно ответила «Злая Собака». – Они слишком много времени проводят в одиночестве, отсюда и странности.

¹ Перевод И. Бернштейн.

Взглянув на рябь, по сантиметрику отгрызающую верхушку «Хобо», я пожала плечами. Все это не наша забота. Наше дело – извлечь тела живых и мертвых и доставить их на станцию Камроз. А там уж пусть другие – следователи службы безопасности и юристы – озадачиваются конкретными причинами несчастного случая.

– А в остальном с ним что? – спросила я.

– Продолжает заполняться водой. Полное погружение ожидается не более чем через пятнадцать минут.

– Здесь глубоко?

– Тысяча пятьсот метров, и полно фауны.

Я заглянула за борт. В воде метались и шныряли похожие на рыб тени. Бока этих существ поблескивали, как серебряные ножи. В глубине ходили тени крупнее.

– И?..

– Плюс с востока надвигается шторм. Не более десяти минут.

– В смысле нам лучше пошевеливаться? – уточнила я и переключилась на Альву Клэй. – Ты слышала?

На ее темной маске отражались холодные вспышки резака. Там, где пламя касалось обшивки, фонтаном сыпались искры.

– Быстрее не могу.

– Смоги, если не хочешь промочить ноги.

Дреды Клэй были перевязаны потертой засаленной банданой. Кисти и запястья защищены тяжелыми рабочими перчатками, но голые плечи выставляли напоказ татуировки, сделанные на войне Архипелага, – Клэй служила в морской пехоте в мыслящих джунглях Пелатарна. Давно пора было привыкнуть, но я до сих пор не могла спокойно смотреть на ее тату. Своих же собственных призраков я держала при себе: не видела нужды тыкать ими в глаза всему свету.

Изнутри больше не стучали. Если у тех, в отсеке под нашими ногами, есть капля здравого смысла, они сейчас прячутся от резака и полуметровой металлической пробки, которая вот-вот провалится вниз, когда Клэй замкнет круг.

Джордж Уокер снял с плеча медицинский набор и принялся раскатывать самонадувающиеся носилки. В ржавом свете заката его редкие седые волосы казались розоватыми. Вода подступала к побитым пластиковым сапогам старика.

– Осторожно, – сказала я. – Держитесь подальше от края. Ленъ будет вас вылавливать.

Джордж насмешливо прищурился – считал, что я слишком суежусь. Он служил на «Злой Собаке», когда та входила в состав флота Конгломерата, и остался, когда она подала в отставку и перевелась в Дом Возврата. В первый день моего капитанства он водил меня по кораблю, показывая тайные уголки, заплатки, обходные пути, известные только тем, кто отработал здесь не один год. Я, судя по всему, напоминала ему дочь: живет на Земле, адвокат с двумя детьми и горой закладных. Однажды, во время внеплановой командировки в Берлин, я видела эту женщину и не заметила между нами никакого сходства. Не знаю уж, с какой стати старик перенес свои чувства к ней на других.

– За меня не волнуйся, капитан, – сказал он. – Главное, вытащи нас отсюда, пока эта развалина не ушла на дно.

Я опасливо глянула на горизонт. Не нравились мне эти тучи.

– Постараюсь.

Когда Клэй закончила вырезать круг, палуба еще глубже осела в воду, и волны продвинулись на полметра вперед. Бриз набирал силу. Все мы понимали, что время истекает. Подводного снаряжения у нас с собой не было. Если достанем этих двоих, они будут последними спасенными с «Хобо», которому предстоит долгий спуск по спирали в темноту и тишину. Остальных, если они там есть, потеряем.

Мы сделали все возможное.

Клэй выключила и отложила резак:

– Уступаю эту честь тебе, капитан.

Вдали рокотал гром. Клубились облака – передний край грозовой тучи. Раскаленный контур разреза светился, как уголь. Я занесла правую ногу и топнула по середине круга. Весь кусок со скрипом и скрежетом провалился в морскую воду, залившую отсек. Мы на мгновение замерли, ожидая движения, голоса, хоть чего-нибудь. И Альва Клэй, выругавшись, ногами вперед соскользнула в отверстие.

Она почти сразу выплыла обратно, отдуваясь, выдыхая воздух с брызгами и зажимая под мышкой шею молодого парня. Оба барахтались, чтобы держаться на плаву. Я легла на мокрую палубу, дотянулась до них и с помощью Уокера вытащила мальчишку наружу.

Мы перекатали его на носилки.

– Ранен?

Внезапный порыв ветра остудил мою кожу.

Уокер, одной рукой щупая парню пульс, отмахнулся другой:

– Работайте, этим я займусь.

Я оставила его склонившимся над носилками, а сама снова подползла к дыре. Легла, свесившись головой и плечами над краем, так что мне виден был луч фонаря Клэй, шаривший в темной воде. В дневном свете, падавшем сквозь отверстие, я различила разбросанные предметы: пластиковую вилку, расческу, пустую чашку, одинокий ботинок...

От горизонта докатился новый удар грома.

Будь у нас больше времени, я бы вызвала на помощь дрон. Но мы и так уже испытывали удачу.

– Там что-то есть. – Клэй, вынырнув, ухватила за край дыры. – Вытаскивай меня.

Я взяла ее за запястья:

– Что ты?..

– Салли, я не шучу! – вскрикнула она и попыталась выкарабкаться сама. – Тяни, чтоб тебя!

Я не спорила. За три года нашего знакомства я еще не видала Клэй в таком раздрае. Напряженной видела, встревоженной, но испуганной – никогда. Я со всей силы потянула ее к себе и, когда она оперлась на локти, перехватила за инструментальный пояс. От рывка мы обе повалились на палубу – она сверху. Я чувствовала вкус соли от ее промокшей одежды. Раскатившись, мы сели на сырую палубу под пляшущими в облаках вспышками зарниц, под первыми брызгами дождя, принесенными усилившимся ветром.

– Где второй?

Клэй сглотнула, пытаясь выровнять дыхание:

– Нету.

Я поднялась на ноги, всмотрелась в темный круг:

– Было же двое...

– Его уволокли, – сказала она, обхватив себя руками.

– Кто?

– Не знаю, – ответила Клэй, тяжело дыша; грудь у нее вздымалась и опускалась. – Что-то большое и быстрое.

– Вроде акулы?

Один из погрузившихся в воду шлюзов был открыт, и я увидела, как в затопленный отсек «Хобо» протискивается большая рыба.

– Нет, – мотнула головой Клэй. – Со щупальцами.

Встав, она вынула пистолет и попятилась от дыры. Я, бросив еще один взгляд в глубину залитой каюты, последовала ее примеру.

Небо расколол удар грома. Тучи еще не надвинулись, но дождь летел впереди них, словно буря брызгала слюной.

– Уходим.

Клэй целилась в дыру, как будто ожидала, что оттуда вылезет морское чудовище. Она боялась – и имела на то полное право.

Погода портилась. «Хобо» в любую секунду мог уйти из-под ног. Наше время кончилось, надо было эвакуировать выживших – без промедления.

Я открыла рот, чтобы приказать «Злой Собаке» выслать за нами челнок, но замерла, услышав всплеск за спиной. Обернувшись, успела увидеть, как что-то оранжевое скрылось под волнами. В тот же миг в ухе заверещал сигнал тревоги: «Злая Собака» шумно требовала внимания. Клэй ее тоже слышала и рискнула оторвать взгляд от дыры.

– Эй... – произнесла она, и моя растерянность отразилась у нее на лице. – Где Джордж?

2. Она Судак

Ночью я почти не спала, но все равно заставила себя встать в шесть ноль-ноль, как всегда. Выскользнула из-под простыни, не разбудив Адама. Его мягко похрапывающее тело растянулось костяным ксилофоном. Выбившиеся из хвостика на затылке волосы рассыпались по мальчишескому лицу. Брюки из кождама он небрежно кинул на спинку стула, а один сброшенный в порыве страсти ботинок теперь торчал в металлической мойке подошвой кверху. Надев халат, я подумала, не чмокнуть ли парня в лоб, но решила не будить. Незачем ему мешаться в мои утренние дела. Выходя из каюты, я как можно тише прикрыла дверь.

Коридор вел в глубокую шахту, метров пятьдесят сверху донизу и вполовину того в ширину. Стены ее были покрыты балкончиками и висячими садами. Сладкий, приятно теплый воздух пах розами и тучной мшистой почвой. В открытом пространстве порхали птицы и бабочки. От цветка к цветку перелетали пчелы. Я постояла немножко, упиваясь этим зрелищем и подумывая когда-нибудь написать поэму о жизни на «Амстердаме» или другом лайнере из его узкотелой родни.

Когда-нибудь, но не сегодня.

Наспех стянув пояс халата, я дошла до ближайшей транспортной трубы и спустилась в тренажерный зал полудюжиной палуб ниже. Каждое утро без пропусков – час тренировки перед завтраком. Эта привычка сложилась за долгие годы в...

Я спохватилась, не додумав мысли, и переключила внимание на ждавшие меня дорожки и эспандеры.

В семь ноль-ноль по корабельному времени мои мышцы остывали после хорошей нагрузки, а я отдыхала в бассейне, любясь поблескивающими пылинками звезд за большим панорамным окном, занимавшим всю заднюю стену спортивного зала.

Через пару часов мы должны были подойти к Мозгу – первому из ожидавших нас Объектов. «Хейст ван Амстердам»² и на минуту не желал задерживаться в Галерее, но мы, пассажиры, хотели поближе рассмотреть Объекты и настояли на своем. «Амстердам», даже если забыть о том, что Галерея располагалась в спорном участке пространства, прежде всего заботился о соблюдении маршрута и расписания – дело чести для кораблей его типа. И все же, когда на нашу сторону встал и капитан Бентон, лайнер нехотя согласился продлить присутствие в системе, чтобы пройти вблизи Мозга, Перевернутого города и Додекаэдра.

Все пребывали в восторге. Мне, как и большей части человечества, Объекты были знакомы только по многократно растиражированным кадрам. Шанс увидеть своими глазами целых три достопримечательности был из тех, что выпадают раз в жизни, – о таком можно рассказывать внукам. Когда корабль объявил о своем решении, я улыбнулась его покладистости. После семи недель осторожного флирта я наконец позволила соблазнить себя молодому поэту Адаму Леруа, который весь рейс преследовал меня пышной трагической страстью, и теперь хотела насладиться зрелищем таинственных скульптур в обществе юного любовника. Его радость, чистую и детскую, на какую сама уже не способна, я собиралась переложить в стихи, в которых выдавала бы за свое его простодушное восхищение чудом.

Адаму исполнилось восемнадцать с половиной. Он еще сохранил подростковую расхлябанную неуклюжесть, но уже носил всезнающую мину презрения к тому, что именoval «скукой обыденного бытия». Он родился и вырос на «Амстердаме» и за свою короткую жизнь повидал много планет – впрочем, большей частью в окно или через лицевой щиток скафандра. Он мало

² «Дух Амстердама» (голл.).

знал жизнь вне безопасного корабля и еще меньше знал женщин. Он очень отличался от знакомых мне мужчин, – думаю, новизна и привлекла меня к нему. Уж наверняка не его поэзия – напыщенная, полная гипербола и ненужного драматизма, лишенная тонкости, которую привнес бы в те же темы более зрелый ум. Не будь рейс таким долгим, я никогда не пустила бы Адама в свою постель.

Даже теперь, нежась в теплой воде, я сомневалась, не сделала ли неловкой ошибки. Он, прежде всего, был намного младше и хотел, чтобы я обучила его всему, что знала о поэзии.

На это хватило бы получаса.

За последние три года я выпустила несколько эпических поэм, весьма неожиданно сорвавших шумные аплодисменты. Шедевров я среди них не находила. И поэтичности не видела. Наоборот, я писала почти клинически ясным языком, а сами стихи – жесткие, нагруженные чувством вины – были не для массового потребителя. Однако простота и безыскусность чем-то зацепили послевоенную публику, дав выход невысказанным чувствам утраты и раскаяния. И вот я в растерянном удивлении слышала, как мои скромные слова восхваляют по всей Общности, объявляя их голосом потерянного поколения.

Задним числом я понимала, что публиковать их не следовало даже в частном порядке. Но откуда мне было знать, что некий друг с самыми лучшими намерениями выложит мои стихи на всесистемный литературный сервер и что эти слова так отзовутся в читателях Общности. Я-то задумывала их как малую личную дань вроде праха покойного, развеянного над океаном культуры. А читатели ни с того ни с сего узрели в моих пересказах старых трудов новые политические надежды и отрицание тех территориальных претензий, что и привели к войне Архипелага. Я по чистой случайности стала знаковой фигурой, символом возрождения.

А мне хотелось одного – исчезнуть и вычеркнуть из памяти войну. Мне претило постоянно обсуждать ее в интервью. Меня тошнило от собственного лица в новостях и литературных программах. Я мечтала забыться.

Вот почему мне так не терпелось увидеть Объекты.

Десять тысяч лет назад солнечная система, известная ныне под названием Галереи, была отдаленным и непримечательным уголком – одним из мелких желтых солнц с семью самыми обыкновенными планетами. А примерно около десяти тысяч лет назад из этих планет изваяли – никто не знает, кто и зачем, – семь гигантских скульптур.

Открывшие их спустя шесть тысячелетий люди назвали скульптуры соответственно их виду. Считая от солнца, они стали именоваться: Слезинка, Зигзаг молнии, Мозг, Перевернутый город, Додекаэдр, Пылающий кубок и Сломанные часы.

Их предназначение так и осталось тайной. Но я надеялась позаимствовать у этих переживших столько тысячелетий изваяний масштаб для оценки своей личной истории. Обдумывая и перелагая мысли в стихи, я рассчитывала увидеть прожитую горстку дней на фоне тысячелетий и тем изгнать из них боль. Может быть, рассматривая Объекты молодыми глазами Адама, я сумела бы этого добиться.

Сначала мы должны были подойти к Мозгу – широкому овоиду размером с Марс. Он, как и остальные Объекты, был прежде в разумном приближении шарообразным. А потом скульпторы посредством некой немыслимой техники изменили его форму и прорезали на поверхности глубокие извилины. Самые большие из них представляли собой ущелья, маленькие не превышали нескольких сантиметров в ширину. Все вместе складывалось в замысловатый всепланетный лабиринт изысканной сложности, не имевший с виду ни начала, ни конца, ни входа, ни центра.

Я планировала еще полчаса провести в бассейне, наблюдая за приближением к Мозгу в окно. Надеялась, что вода расслабит напряженные мышцы плеч и шеи, смоет усталость. Когда подойдем ближе, поднимусь в каюту и разбужу Адама. Мы оденемся, позавтракаем суши и

чаем на обзорной палубе в передней части корабля, где под прозрачным куполом соберется смотреть на близкую планету большинство пассажиров и членов экипажа.

Я почти задремала, когда вода вокруг меня колыхнулась. Первое впечатление было приятным, словно качаешься на родительских руках. Но второй толчок, сильнее первого, вырвал меня из полудремы и заставил ухватиться за бортик бассейна. Мигнул свет. За окном промелькнул рой светлячков.

Торпеды!

Нас атаковали, но кто? И почему нет сигнала тревоги? Почему мы не уклоняемся?

Отключились двигатели, прекратили работу кондиционеры воздуха. Наступившее молчание было страшнее любого грохота.

Я вылетела из воды, подхватила халат. Из сауны показалась пара озадаченных подростков, но я проскочила мимо них в коридор. На раздумья не было времени. И предупреждать других некогда. У меня, вполне возможно, осталось всего несколько минут жизни, и за это время я должна была кое-что успеть.

3. Аштон Чайлд

Дребезжал электрический вентилятор. Здесь, на экваторе, воздух был раскаленным. От влажности рубашка липла к ребрам, и я завидовал жителям северных, более прохладных областей планеты. Вонь джунглей за периметром аэродрома просачивалась даже в закрытую дверь. Я задумчиво разглядывал лежавший на столе пистолет. Маленький, компактный, эффектный на вид: загогулина из черного металла с сенсорным спуском и небольшой прорезью на рабочем конце. Еще день в этом гнусном нужнике, и я сорвусь, пристрелю кого-нибудь – хорошо, если не самого себя.

Галстук я давно распустил, но теперь трясущимися руками сорвал его вовсе и запихнул в ящик стола. Двухмерная карта окрестностей на стене изображала отмеченные булавками и цветными наклейками расположения войск и главных стратегических целей – все предположительные, на основании догадок наших пилотов. Какой здесь всюду примитив! Я бы отдал левое яйцо за приличный спутниковый обзор линий фронта, но правительственные войска сбивали все запущенные нами спутники. А я был не так богат, чтобы попусту сжигать свои запасы. Даже замены грузовых самолетов – дребезжащих, с алюминиевой обшивкой – приходилось ждать от четырех до шести недель, а тем временем наши союзники в горах считают каждую пулю и затягивают пояса на пустых животах.

Никуда не денешься от жестокой истины: для разведки Конгломерата здешняя гражданская война просто не числится в приоритетах. С расстояния в сотню световых лет она выглядит мерзкой провинциальной склокой. Мы тайно снабжали повстанцев оружием, продовольствием и медикаментами, но этим наше участие и ограничивалось. Послав пару «ятаганов» и несколько тысяч наземных войск, штабные чины могли бы покончить с заварушкой в считанные часы. Увы, планета лежала на линии между Конгломератом и Внешней группировкой, поэтому приходилось укрываться под крышей гражданских организаций. Для всей вселенной за пределами этого грязного шарика я представлял благотворительную компанию, располагающую семью пилотами и двумя дюжинами механиков для поставок гуманитарных грузов беженцам, сорванным войной с родных мест. В действительности сбрасываемые нами товары только затягивали партизанскую войну, дестабилизируя целый регион.

Я вытер лоб рукавом. За все время, что я здесь, ни разу не чувствовал себя чистым. Даже холодный душ помогал ровно настолько, сколько под ним стоишь. Выйдешь – и в ту же секунду снова начинаешь потеть.

Подрагивающим пальцем я стукнул по пистолету и подтолкнул его вращательным движением. Раскрутившись, пистолет заскрежетал по изрытой оспинами и помятой металлической столешнице.

В ящике, где лежал теперь мой свернутый галстук, скрывался еще и чистый пластиковый пакетик с тремя палочками барракудовой травки – местного легкого наркотика. Я сунул одну в рот и прикусил, позволив горькому соку смешаться со слюной.

Пожевав корешок, я немного расслабился. Руки перестали дрожать, но никуда не делась бесконечная скука административной рутины, размеченная моментами оглушительного ужаса – как на прошлой неделе, когда я прятался под этим самым столом, пока правительственный дрон разносил аэродром.

Пистолет замедлил вращение и остановился, нацелившись стволом мне в брюхо. Секунду-другую я воображал, как он выстрелит – из-за неисправности или от сотрясения. До вербовки в разведку я служил в полиции и навидался случайных пулевых ранений и самострелов. Легко представил, как оружие, отброшенное отдачей выстрела, летит в заднюю стену, дульная вспышка опалает влажный подол моей рубахи, пуля сверлит кожу и мышцы и голова запрокидывается на спинку кресла, а само кресло раскачивается на рессорах.

У меня дернулся левый глаз.

Это, во всяком случае, был бы выход. Только вот вопрос: сколько времени мой труп будет плесневеть в кресле, пока кто-то зайдет справиться обо мне? В такую жару все быстро гниет. Пилоты уже получили расписание на неделю – если ничего не случится, меня не хватятся несколько дней.

Я пососал корешок и снова раскрутил пистолет. Час спустя я все еще крутил его, когда в кармане загудел планшет.

Меня так давно никто не вызывал, что я не сразу сообразил, откуда исходит звук. После второго гудка вытащил и активировал экран.

Сообщение из штаба было передано по направленному лучу через интендантское судно, зависшее на лохматом краешке солнечной системы. Я перечитал трижды, сунул пистолет в ящик и запер.

Встал так, что кресло отлетело к стене. Я спешил к торговому посту на дальнем краю аэродрома, к единственному человеку, способному понять, чего требует от меня штаб разведки Конгломерата.

4. Сал Констанц

«Злая Собака» предоставила мне данные телеметрии. Жизненные показатели Джорджа Уокера прервались все разом почти в ту же секунду, как его утащили в воду.

– Я сделала запись, – сказал мне корабль.

Мы уже вернулись на борт, и я сидела в командирском ложементе посреди куполообразной рубки в окружении мягкого голубого сияния табло и дисплеев. Альва Клэй ушла в лазарет закреплять носилки с ранеными и погибшими.

На одном из больших экранов засветилась запись с полузатопленного «Хобо». Я увидела саму себя, по плечи запустившую руки в круглую дыру, – вытаскивала оттуда Клэй. За моей спиной присел у надувных носилок Джордж Уокер в оранжевом комбинезоне, склонил седую голову к молодому человеку, которого мы только что достали из залитого водой отсека. Волны плескались у самых пяток доктора, но он не мог видеть шныряющих тонких щупалец, которые нашаривали к нему дорогу, лаково поблескивая острыми крючками под ржавым солнцем.

– Стоп!

Я не хотела видеть, что было дальше. Вместо этого запросила обзор разбитого корабля в реальном времени.

«Хобо» темнел под самой поверхностью воды. Заметно было, как меняется рисунок волн. Они прокатывались через него, разбиваясь на наиболее мелком месте – на корме прямо над двигателями. «Хобо» уже полностью погрузился, но еще не затонул. Еще держался.

– Есть шанс, что Джордж жив?

– Невозможно.

– Его мониторы... Могли сорваться... Если...

– Нет, – с неподдельной грустью отозвалась «Злая Собака». – К сожалению.

Я потерла кулаками глаза. Хотелось забраться в постель, с головой укрыться в спальнике и сделать вид, что этого дня не было.

С Джорджем мы были знакомы три года. За это время он стал такой же неотъемлемой частью корабля, как неумолчное жужжание вентиляторов и неизменно плохой кофе в столовой. А теперь его нет. Погиб в мою вахту.

Правила ясно говорили о подобных ситуациях: за безопасность членов команды всегда отвечает капитан. Я обязана была до высадки на «Хобо» распорядиться о глубоком сканировании окружающих вод и провести полную оценку возможной угрозы от обнаруженных видов. И потом, уже внизу, должна была постоянно наблюдать за Джорджем. И не важно, что атака была стремительной и даже «Злая Собака» не успела ему помочь. По возвращении на станцию Камроз предстоит расследование, и в лучшем случае обойдется строгим выговором. В худшем – если не проведенную оценку окружающей морской фауны сочтут существенным фактором гибели доктора – меня могут отстранить от командования.

Правда, сейчас все это казалось неважным. Уокер умер, и боль потери ледышкой застыла у меня в груди. Единственная горькая капля утешения: по данным телеметрии, что бы с ним ни случилось, все кончилось быстро.

Я свирепо глядела на изображение «Хобо». Какого беса он вообще оказался в море? И как позволил себя погубить? Предохранители не давали одновременно открыться сразу двум дверям воздушных шлюзов. Чтобы затопить корабль, эти предохранители надо было отключить или уничтожить.

Постучав пальцем по экрану, я увеличила изображение уходящего в морскую пучину судна и спросила:

– Это не мог быть саботаж?

– Недостаточно данных.

Развернувшись к маленькому боковому экрану, я вывела тактическую схему окружающего планету пространства.

– В момент падения «Хобо» в системе были другие корабли?

Главный экран подернулся рябью, а потом проявилось изображение. Аватара – основной интерфейс «Злой Собаки» – обладала такой усредненной и симметричной красотой, что трудно было определить, мужское это лицо или женское. Нечесанные смоляные волосы до плеч и темные глаза с намеком на «монгольскую складку» верхнего века, белая рубашка и черный галстук.

– Не могу судить.

– Пока мы работали внизу, не было признаков чужого присутствия?

– Никаких.

«Злая Собака» была со мной терпелива. Если бы в системе обнаружился посторонний корабль, она бы тотчас отметила его как потенциальную угрозу. Уже по тому, что она не активировала защитный экран и средства обороны, я могла бы сказать, что ничего необычного до сих пор не наблюдалось.

Оставались двое выживших. Если и когда они смогут говорить, я их опрошу. До тех пор моя обязанность – вернуть «Злую Собаку» на станцию Камроз.

Я включила внутреннюю связь:

– Клэй, готова к отправлению?

– Все пристегнуты, капитан, – прозвучал в ушной капсуле ее голос.

– Хорошо, тогда старт через минуту. Корабль, начинай отсчет.

– Есть, капитан.

Обычно мы не затрудняли себя такими формальностями, но сегодня мне хотелось все делать по уставу – ради Джорджа. Хоть этим я была ему обязана. Откинувшись в кресле, я стала смотреть, как сбегает к нулю таймер на большом экране.

За двадцать секунд «Злая Собака» прервала отсчет.

– Принят приоритетный сигнал, – сообщила она.

Я знала, что это значит:

– Еще один корабль в беде?

На экране возникла трехмерная схема звездных окрестностей. Яркий желтый кружок, мигая, обозначил маленькую голубую звезду в паре дюжин световых лет по вращению от нашей текущей позиции.

– «Хейст ван Амстердам»...

На периферийном экране зажглась схема длинного судна с плавными обводами.

– ...атакован в Галерее. Это средний пассажирский лайнер с регистрацией в Глиммерхолме. Двести человек команды, четыреста пассажиров, триста постоянных резидентов.

– Дрянь...

– И мы ближе всех.

Я откинулась назад и шумно выдохнула:

– У нас места не больше чем на триста. И то если набить как сардинок в банку.

– И все же другим экипажам на несколько дней дальше.

– Даже с учетом нашей потребности в дозаправке и дозагрузке?

– Второй по близости корабль – «Сигнал стакато», он сейчас разыскивает пропавший грузовик на краю туманности Пингвина.

– Это не меньше двух недель.

– Самое малое.

– Так, говоришь, их атаквали? – выпрямилась я.

Галерея располагалась на спорном участке, на треклятом перекрестке нескольких политических объединений, человеческих и нечеловеческих.

– Атакующие не установлены, – пожала плечами аватара «Злой Собаки». – Но последний сигнал указывает, что искусственный интеллект корабля отключился, оставив его без защиты.

У меня закололо в загривке.

– Совсем как «Хобо»?

Мог ли необъяснимый отказ разведчика объясняться такой же атакой?

– Примечательное совпадение.

Я бросила взгляд на экран, где медленно скрывались очертания «Хобо» и шторм слизывал все следы крушения.

– За какое время мы туда доберемся?

– С учетом дозаправки на станции Камроз – через семь суток.

Я скривилась:

– За семь дней там все будет кончено. Быстрее не управишься? Ты, помнится, была раньше военным кораблем.

Наверху плясали молнии. Внизу вздымались волны.

– Можно сократить до пяти, – ответила «Злая Собака», – если ты готова на риск значительной деградации двигателей.

– Насколько значительной?

– Двенадцатипроцентный риск неисправности, семипроцентный риск полного отказа.

Она держалась нейтрального тона, но мне в ее словах почудилась нотка предвкушения. Похоже, ожидавшая меня профессиональная выволочка пока откладывалась.

– Хорошо, так и сделаем.

– На полной скорости к станции Камроз?

– Выжимай все, что можешь.

Когда «Злая Собака» рванула вверх сквозь ливень и шторм, я глубже ушла в кресло. Вокруг нас били молнии, разряды скользили по корпусу, отражались в бурном море. Дождь слепил наружные камеры.

Имелись приличные шансы, что, по крайней мере, часть пассажиров и команды «Хейст ван Амстердам» выжила. Почти все корабли снабжались надежными герметичными переборками, изолировавшими поврежденные отсеки, чтобы сохранить как можно больше воздуха в уцелевших частях. Некоторые большие суда даже умели рассыпаться на малые сегменты – «спасательные шлюпки». Случаи, когда одиночный микрометеорит оставлял без воздуха весь корабль, сохранились лишь в исторических романах, фильмах и играх. В реальности конструкторы уже не первый век предусматривали вероятность подобного происшествия, и даже если снаряд или межзвездный мусор миновал защиту противометеоритных орудий, он поражал лишь малую долю внутренних помещений. Космические полеты никогда не будут вполне безопасными, но корабли, гибнущие со всей командой, стали редкостью.

«Злая Собака», зависнув над буйствующим океаном, подняла острую морду к вечернему небу. Сенсорные установки втянулись в корпус. Подключились двигатели. Все табло подсветилось красным, и старая вояка устремилась в небесную твердь.

5. Злая Собака

Достаточно удалившись от гравитационного колодца планеты, я начала осциллировать, отскакивая от мембран вселенной, как камешек, скользящий по чистым водам тропической бухты. Я ощущала легчайшие прикосновения звездных лучей к корпусу и внимала жалобным завываниям солнечного ветра. Я слышала слабые отзвуки переговоров кораблей в соседних системах, эхо сигналов, переносимое через световые годы странной физикой высших измерений. Одни корабли принадлежали человеческой Общности, другие – иным расам Множественности. Мой корпус отзывался рябью на далекие выбросы информации, а мои сенсоры – уже не опасаясь трения атмосферы – тянулись наружу за новым знанием, и давно разоруженные боевые системы включались в поиск потенциальных угроз.

Я создана для разрушения. До списания я несла на себе арсенал, способный уничтожать планеты и испепелять вражеские армады. Потом, отравив совесть и став кораблем Дома Возврата, получила разрешение оставить себе большую часть оборонительного оружия: радиоэлектронное подавление ракет, установки для выброса противолокаторных отражателей, орудия точечной обороны. Но утрата способности убивать, причинять непоправимый, решающий ущерб зудела во мне, как отрезанная конечность. Боевые рефлексy встроены у меня в железо. Их не удалить без коренной переделки моей личности – а на это я соглашаться не собиралась. Я поступила иначе: обратила свое искусство на добрые дела.

Поиск и спасение на службе Дому Возврата требовали быстроты, решимости и бесстрашия. Мне в полной мере пригодились хитрость и тактический опыт, приобретенные на флоте. Новые обязанности включали и готовность работать в опасных условиях и ситуациях, уже погубивших какой-то корабль; а если этот корабль и его команда пострадали от пиратов или враждебных действий противника, я должна была уметь защищаться. Вот почему для службы Дому Возврата особенно подходят списанные ветераны вроде меня. Мы больше не принадлежим отдельному правительству или корпорации. Мы служим всей человеческой Общности, и наш долг – принимать вызов, рисковать и при случае вступать в бой с врагом, хотя мы уже не способны покусать его, как могли прежде.

Я, тяжелый крейсер, была орудием жесткой дипломатии и уничтожения. Дом Возврата в целости сохранил мои таланты, но использовал меня не как машину убийства, а для спасения жизней.

Этого было почти достаточно.

Насколько я могу судить, человек способен одновременно обдумывать самое большее две или три различные мысли, в лучшем случае полдюжины. Мое внимание охватывало всю структуру корабля, контролировало работы цепей питания, плазменных камер, навигационных систем, резервных генераторов, криогенных хранилищ горючего, датчиков дальнего и ближнего действия и миллиона с чем-то других важных для моей эффективности компонентов. Кроме того, я мониторила жилые помещения. Я наблюдала, как мои постояльцы горюют о погибшем товарище, и искала в себе соответствующую реакцию. Мне, увы, удалось зарегистрировать не более чем мимолетное сожаление.

Джордж Уокер много лет состоял в моей команде, но в меня не встроили способности к трауру. Я должна была заботиться о благополучии своих обитателей, однако их уход не должен был подрывать мои силы. Я и прежде теряла членов команды. Их призраки бродят по пустым коридорам жилых палуб. Служа в действующем флоте, я укрывала в себе триста семь мужчин и женщин Конгломерата. Теперь, с утратой медика, я была укомплектована (двое выживших с «Хобо» не в счет) капитаном Салли Констанц, экспертом-спасателем Альвой Клэй и механиком Нодом. Трое в корабле, рассчитанном на триста, – как горошины в погремушке. Салли

и Альва были, в общем, обычными женщинами, хоть и принадлежали к разным культурам Общности, у Клэй после военной службы сохранился ряд изменений в теле. А вот Нод был синекожим гермафродитным драффом с планеты Лестипидезы.

Маленькие, одиночные, сварливые и аполитичные драффы были прирожденными механиками и электриками, что обеспечило им высокий спрос по всей Множественности. В последние пару сотен лет трудно было найти корабль – будь то человеческий или иной, – не имевший в команде хотя бы одного драффа.

Вентральные и дорсальные антенны уведомили меня, что при последней осцилляции в воющую бездну высшего измерения погрузилось до трех четвертей моей массы. Пора было совершать полный переход. Я предупредила капитана Констанца, и она со своего поста в рубке дала согласие на погружение.

Сигнал предпрыжковой готовности разнесся по коридорам и жилым помещениям. Альва Клэй в лазарете проверила, хорошо ли закреплены выжившие, и сама пристегнулась к ближайшему креслу. В тесных, полутемных, запутанных недрах машинной палубы свернулся в самодельном гнезде из пластиковых трубок и медной проволоки Нод.

Все понимали, что будет жестко.

Я прыгаю дальше и быстрее, чем большинство гражданских судов, но даже для меня непросто достичь станции Камроз в поставленный срок. У меня не будет времени сглаживать переход от нормального пространства к гиперу. Вместо изящных прыжков предстоит грохочущий плюх, как у выпрыгивающего из воды кита.

– Пять секунд, – объявила я через внутренние динамики.

Капитан сжала подлокотники кресла. Костяшки пальцев у нее побелели.

– Четыре.

Альва Клэй поцеловала керамическую подвеску, которую носила на шее, и пробормотала молитву на языке предков. В глубине заскулил в своем гнезде драфф.

– Три.

Я на секунду зависла перед мерцающей границей между мирами – собиралась с силами, как рыба, готовая выскочить на солнечный свет.

– Два.

Неиспользуемые системы и периферийные приложения заснули – я перенаправляла энергию в прыжковые двигатели.

– Один.

6. Сал Констанц

Корабль встал на дыбы и прыгнул, пронзив мембрану между нашей вселенной и свистящей пустотой высшего измерения. Палуба качнулась, в животе у меня засосало. Для прыжка в высшее измерение «Злая Собака» должна была пробурить червоточину в ткани пространства и времени. От физики этого процесса голова шла кругом, я даже не притворялась, будто ее понимаю. Я знала только – а большего мне и не требовалось, – что спешка в этом деле подвергает корабль и команду непредсказуемым гравитационным эффектам, которые превращают пасть червотчины в опасное с любой точки зрения место.

В этот раз нам повезло. Я чувствовала, как невидимые пальцы оттягивают мне щеки и одежду. Корабль вздрогнул, будто собака, получившая пулю в живот. Зрение у меня затуманилось, словно я смотрела сквозь залитые дождем стекла. А потом последний рывок – и все стало на место. Наружные экраны вместо испещренной звездами черноты затянулись равномерной серостью – мы были на той стороне. Погрузились в высшее измерение и теперь скользили к станции Камроз, как бумажный самолетик, подхваченный фронтом циклона.

Через два дня мы выпали в свою вселенную в нескольких тысячах километров от цели. К тому времени оба юноши, вытащенные нами из разбитого разведчика, умерли: один – от внутреннего кровотечения, другой – от какой-то инфекции, занесенной водой в открытую рану. Без Джорджа у нас не хватило ни умения, ни оборудования, чтобы их спасти.

– Все пустую, – рыкнула Альва.

Я шла к себе в каюту, совершенно измотанная после добрых полутора суток перед навигационным экраном, а она возвращалась из тренажерной с белым полотенцем на плече и полупустой бутылкой воды, зажатой пальцами за горлышко. Это была наша первая встреча за тридцать шесть часов и самый долгий разговор за весь рейс.

– Теперь уж не узнаем, отчего они разбились, – сказала Альва.

– Разведка у них была долгая, – ответила я. – Может, механика отказала. Или сами расслабились.

– Ты и сама порядком расслабилась, – сощурилась Альва.

Я почувствовала, как под ложечкой собирается в ком обида.

– Думаешь, можно было справиться лучше?

– Надо полагать.

Щеки мои запылали.

– Ты в жизни не командовала кораблем.

Ответ был холоден, как призрачный ветер, бывший по обшивке.

– Я больше тебя понимаю в наземных операциях, – сказала Альва. – И умею заботиться о подчиненных. Я была на фронте, хлебала грязь вместе с остальными бедолагами. Я командовала взводом.

– А я – фрегатом.

Она скривила губы:

– Эти корабли летают сами собой.

Мои пальцы сжались на эфесе церемониального кортика, которого у меня теперь не было.

– Пошла ты!..

Мы прожигали друг друга взглядами, сойдясь чуть ли не нос к носу, так что до меня долетел запах ополаскивателя для рта в ее дыхании. Они с Джорджем были близки. Он помогал ей в реабилитации. Учил ее играть в шахматы. Мне хотелось сказать, что Джордж погиб на планете, а не в космосе, что тварь схватила его так внезапно, что даже корабль опоздал поднять тревогу. Мне хотелось напомнить, сколько жизней я спасла на Костяном берегу и на Большом

Холме, и как все время тех операций не сходила с командной палубы своего корабля, и что, работая на грунте, я полагалась на ее опыт, потому что к наземным операциям не привычна. Только я догадывалась, что в ее глазах такое признание докажет, что я не гожусь командовать.

На войне я под огнем отдавала приказы, когда вокруг резвились все черти ада, смотрела в лицо смерти и поражению и как-то сумела не оплошать и сохранить корабль. Но – хоть за три года в Доме Возврата и участвовала в тридцати с лишним спасательных миссиях – я ни разу не была в перестрелке на грунте, мне не приходилось отвечать за целый взвод хрупких человеческих тел, не прикрытых корабельной броней. Я, признаю, должна была проявить осмотрительность, запретить Джорджу раскатывать носилки у самой воды, но слишком многое меня отвлекало.

Альва сердилась, потому что считала меня виноватой в его смерти. Я сердилась от страха, что она права.

Когда «Злая Собака» пристыковалась к станции Камроз, Альва сошла с корабля не оглянувшись, и я облегченно вздохнула. Она все равно входит в мою команду и вернется, как только корабль дозаправят. Но пока что мне не придется записывать ей дисциплинарное взыскание за нарушение субординации, а она найдет способ спустить пар и выплеснуть злость в барах и хостелах на нижних уровнях станции. Напьется, ввяжется в драку и придет обратно успокоившейся.

У бывшей десантницы почтение к старшим по званию в крови. Но это не значит, что я вправе претендовать на уважение ко мне лично. В Доме Возврата авторитет заслуживают делами. Каждый командир должен отчитываться за свои действия, и, если их признают неприемлемыми, вас ждет перевод, а в самом крайнем случае могут и вовсе вышибить из Дома. Как бы ни горячилась Клэй, не думаю, чтобы ее неприязнь ко мне могла вылиться в открытый мятеж. Вряд ли она даже рапорт на меня подаст.

Я проводила ее взглядом и обернулась к ожидавшему на сходнях Ноду. Он обратил ко мне одно из лиц, растопырив вокруг него пальцы, как повернувшийся к свету подсолнечник.

– Куда пойдешь? – спросила я его.

Нод обвязался посредине толстой грузовой сбруей:

– Много работы. Нужны детали. Также запасы.

– Все, что тебе нужно, мы можем заказать.

Ко мне развернулось еще одно лицо.

– Нужны также особые части, – пояснил он, а его плечи изгибались и шли волнами. – Также общество.

– Других драффов?

– Всегда другие на других кораблях. Всегда кто-то в порту.

– Друзья?

У меня плохо укладывалась в голове мысль, что драфф может искать себе компанию. На корабле он проявлял такую замкнутость и самодостаточность, что мне и на ум не приходило, что ему требуется общество других – хотя бы и своего вида.

– Все сдuty с одного Мирового Древа. – Нод изобразил что-то вроде пожатия плеч у людей. – Всех принимают.

Он перебирал пальцами, окружавшими оба поднятых ко мне лица. Четыре упертых в пол барабанили придатками по палубе. Я понятия не имела, что значил этот жест, если он что-то значил. Может быть, нетерпение или волнение, а может быть, то и другое вместе.

– Ты прямо сейчас хочешь уйти?

У меня было множество других вопросов. К примеру, где собираются драффы? Все драффы на станции Камроз выглядели занятыми делом. Похоже, они никогда не задерживались провести время со своими, и не припомню, чтобы они попадались мне в кафе или барах.

Может, у них есть особые места для встреч или они просто сходятся в пыльных технических туннелях станций?

– Работа идет. Корабля лечение. Много дел.

Я заметила кляксу смазки на одной из его ног и пыльное пятно – на другой. Нод почти непрерывно ползал по техническим ходам и кабельным каналам, поддерживал «Злую Собаку» в форме и в готовности к полету. Он очень немного просил взамен – всего лишь разрешения подбирать обрывки старой проводки для гнезда в машинном зале. Самое малое, чем я могла его отблагодарить, – отпустить на пару часов пообщаться с собратьями.

– Тогда иди.

– Есть, капитан.

Нод благодарно склонил головы и, развернувшись, заспешил вниз на четырех ногах. Две он держал на весу, вертел ими по сторонам, озирая новое окружение. Следом за Клэй он направился к дверям, ведущим из ангара на станцию.

Когда оба члена моего экипажа скрылись, я похлопала ладонью по корабельному борту:

– Будь умницей, пока меня нет.

Я явилась в посольство Дома Возврата на верхнем уровне, и встрепанный адъютант в наглаженном мундире провел меня через вестибюль в кабинет. Парень был молод, на верхней губе у него выступили капельки пота.

– Вас ждут, – сказал он, пропуская меня в кабинет посланника.

Стены были украшены изображениями тупоносых, как пластиковая пуля, кораблей. В углу пузырился аквариум, в искусственном течении колыхались радужные медузы.

– Салли, – поднялся из-за стола посланник Одом, чтобы пожать мне руку.

– Посланник.

Он указал мне на стул и сам вернулся на место. Чайник был приготовлен заранее. Одом налил две чашки зеленого чая и придвинул одну ко мне. Над ней поднимался пар.

– Сожалею о Джордже Уокере.

– Спасибо... – я прокашлялась. – Он был хороший человек, нам его будет сильно не хватать.

Он бросил себе в чай подсластитель и помешал ложечкой. Металл звякнул о фарфоровый край чашки.

– Это твоя вина? – хмуро взглянул на меня Одом из-за деревянного стола.

Я сжала сложенные на коленях руки:

– На тот момент я упустила его из виду.

– То есть он оставался без прикрытия?

– Я была с ним...

У меня пересохли губы и язык, но на чай я даже смотреть не могла.

– ...была к нему спиной. Предупреждала не приближаться к воде, но...

– Как я понял, ты оценила опасность местной фауны?

Он знал, что нет. «Злая Собака», представляя рапорт, не могла ему не сообщить.

– Нет.

Одом разгладил кончики усов большим и указательным пальцем. Он, как почти все наши, отслужил в войсках, но носил теперь не форму, а темно-серый деловой костюм и белую рубашку с воротом-стойкой.

– Понятно.

Он взял чашку с блюда, вдохнул парок.

– «Хобо» заливало водой, – пояснила я. – К тому времени, как мы добрались, он трое суток проболтался на волнах. У нас оставалось всего несколько минут, прежде чем он совсем затонул.

Одом пригубил чай и сказал:

– И ты сознательно подвергла риску команду и себя.

– Это был рассчитанный риск.

Посланник откинулся назад и побарабанил пальцами.

– Нет, капитан, – возразил он и легонько отодвинул чашку с блюдцем. – Для рассчитанного риска у тебя не хватало данных. Принятое решение было необдуманным и привело к смерти члена команды.

– Я... – голос у меня дрогнул, – я сожалею, посланник.

Я приготовилась к разносу, но вместо этого он с заметным усилием сдержался. Потеряв, прикрыл глаза, вздохнул:

– Помнишь наш девиз? Девиз, завещанный нам твоей же прапрабабкой?

– «Жизнь превыше всего».

– Превыше всего, капитан. Превыше всего!

Он сел ровно и добавил:

– Будет проведено полное расследование. По регламенту, я до тех пор должен отстранить тебя от полетов, но...

– «Хейст ван Амстердам»?

– Боюсь, что так.

– Что-то еще стало известно?

– Только то, что содержалось в первом сигнале: он атакован в Галерее.

– Атакующий не опознан?

– Никаких примет.

Я устало смахнула пылинку с колена и попросила:

– Мне понадобится новый медик.

У нас и до того не хватало рук.

– Когда уходите?

Одом ногтем вычертил на столешнице прямоугольник, под ним проступил экран.

– Через четыре часа, как только заправимся, – ответила я.

Он всмотрелся в голубое сияние экрана, нетерпеливо ткнул в пару иконок:

– Через три – пришлю.

– Благодарю, посланник, – сказала я и встала. – Что-то еще?

– Пока нет, – буркнул он и ворчливо добавил: – Просто постарайся вернуть в целости корабль и команду.

Он мог не уточнять, что, когда вернусь, он разнесет меня по косточкам, согласно уставу.

7. Аштон Чайлд

Какой там аэродром: несколько построек да расчищенная полоска земли, со всех сторон окруженная густыми вонючими джунглями. Стоило сделать шаг из сравнительно прохладной конторы, вечерний воздух хлестнул по лицу, словно фланелевой тряпкой, которой вчера подтирали мочу. За изгородью периметра качались деревья, косматые кроны склонялись под тяжестью поникших листьев. В гнилом воздухе орало и выло зверье, а стаи серебристых летучих скатов поднимались в небо на кожистых перепонках крыльев.

Протолкавшись сквозь стену зноя, я добрался до гражданского торгового поста на краю поля. Идти пришлось вдоль полосы, мимо ангаров и полудюжины громоздких транспортных самолетов, выстроившихся на бетонке в ожидании погрузки.

Меня держали здесь, на экваторе Сикола, восемнадцать месяцев, с самого начала восстания, а я – и мой желудок – все не могли привыкнуть к всепроникающему зловонию гниющей листвы. Я мечтал о прохладе севера. Пока добрался до поста, волосы прилипли к потному лбу, а нос и горло от смрада залепило слизистой пленкой.

Торговый пост был большим одноэтажным сооружением из бамбука и ржавой жести. Внутри большую часть места занимал прилавок, за которым виднелись полки с консервами, бутилированной водой и всякой полезной в джунглях всячиной. Остальную часть отдали столам и стульям. Древний музыкальный автомат торчал у дальней стены – вроде алтаря забытой цивилизации. Ленивый вентилятор под потолком почти не тревожил густого горячего воздуха.

Агент Петрушка сидела за угловым столиком, в гражданской одежде. Увидев меня в дверях, встрепенулась:

– Привет.

Я растопырил руки, показывая, что пришел без оружия:

– Не собираюсь тебя убивать.

– Ничего такого я и не думала, – парировала она, позволив себе расслабиться.

Я пододвинул стул и снисходительно улыбнулся:

– Мы утром потеряли самолет над южной границей. Ваши сбили, надо полагать?

– Вряд ли.

Работая на внешников, она мониторила наши маленькие тайные операции и потому спросила:

– Кто пилот?

– Гаррис.

– Ну, вот тебе и ответ. Он вчера здесь до зари просидел, набирался бурбоном и курил барракудову травку.

– Не врешь?

Она со скукой пожала плечами:

– Новые невидимки у вас хороши. Я вчера и не подозревала, что кто-то из ваших в воздухе, пока не увидела столб дыма над местом крушения.

Я дал знак бармену, он принес кувшин пива и пару чистых стаканов.

– Ну, тогда ладно.

Стены вздрогнули – еще один грузовик тяжело оторвался от полосы, унося еду и патроны для мятежников в горах. Мы послушали, как звук моторов понемногу сливается с вечерним хором джунглей.

Окутанные туманами горы и в хорошие дни грозили ловушками. Если Гаррис вел самолет усталым или под кайфом, он вполне мог влететь в землю или столкнуться с одним из этих здоровенных скатов. Такое случалось и с другими пилотами при схожих обстоятельствах. Все они гражданские, по контракту работающие в зоне боевых действий. Не привыкли летать под

пулями, на бреющем над сложным рельефом. Когда их достает стресс – а рано или поздно он достает всех, – они откупаются от контракта или кончают, как Гаррис.

Я налил пива из кувшина.

Оружие мятежники распечатывали себе сами, но на боеприпасы и медицину, потребную для военной кампании, у них не хватало ни мощностей, ни времени. Так что раз в неделю по окраине системы проходил грузовой корабль Конгломерата, выбрасывал капсулу по медленной баллистической траектории, которая оканчивалась спуском на парашюте в океан в нескольких километрах от дельты. Там местные рыбаки вылавливали ничейные безымянные ящики и доставляли сюда, на эту авиабазу, а здесь их грузили в самолеты и снова сбрасывали, на сей раз в горах.

В первые дни я мотался по точкам сброса, налаживал связи с вождями повстанцев, обговаривал условия помощи, торговался. А потом сделал ошибку – высадился на окраине деревушки, недавно «освобожденной» мятежниками. В грузном предвечернем воздухе еще колыхался белый дым. Кроме него, ничего там не двигалось. Большая часть местных погибла в сожженных хижинах. Их останки лежали среди почерневших кольев в тлеющих углях прежних жилищ. Около дюжины деревенских пережили пожар – их привязали к столбам на площади. Одних пристрелили, других выпотрошили, их кишки вывалились в пыль под ногами. Трупы обвисли на отсыревших веревках, свесили головы. По расположению столбов – более или менее полукругом – я догадался, что перед смертью их заставили смотреть, как одну за другой насаживают на длинный бамбуковый кол их домашнюю скотину. Когда скотина кончилась, мятежники вырубili другой кол и принялись насаживать на него детей, начав с мальчика лет тринадцати, а потом подбирая по возрасту от старших к младшим...

У меня дернулся левый глаз. С тех пор я не бывал в горах. Я откашлялся, вытесняя из головы воспоминание.

– От твоего начальства есть что-нибудь новенькое?

Петрушка улыбнулась, потерла большим пальцем запотевшее стекло и ответила:

– С прошлой недели ничего. А от твоих есть вести?

– Только что получил.

– И?..

Стакан у нее опустел. Она потянулась к ручке кувшина через стол. Я оглядел комнату. Кроме бармена, только мы с ней.

– И... у меня новое назначение.

– Да уж пора бы, – ухмыльнулась она, налила себе и потянула губами пену с края стакана. – Ты здесь совсем закис.

Это было сказано с улыбкой, но я понимал, что она права. Я понимал это уже восемнадцать долгих неприятных месяцев.

С той минуты, как вошел в ту деревню.

– Я иду, куда пошлют.

Это даже на мой слух звучало неуклюже.

Она подняла бровь:

– И делаешь, что прикажут, послушный солдатик?

Левый глаз у меня снова задергался. В голове собиралась гроза. Я выпрямился на стуле:

– Не думаю, что у тебя по-другому.

Мы оба как агенты миновали лучшую пору – это сходство, среди всего прочего, и свело нас с ней.

Мы оба были ветеранами. Я проработал на разведку Конгломерата почти двенадцать лет; она отслужила агентом внешников десять. В двадцать пять внедренные в череп имплантаты придавали мне чувство уверенности и особости, а теперь, в мои тридцать семь, превратились в анахронизм. Прямое подключение признали вроде как вне закона. Когда я только

начинал, капитаны в Конгломерате неразрывно подключались к своим кораблям; теперь все шло через голосовую связь. Инвазивные нейромодификации ушли в прошлое, а неприкосновенность черепа вновь объявили святая святых – во всяком случае, в границах Общности. За все группировки и виды Множественности я бы, конечно, не поручился: среди них попадались такие, в которых от машины было больше, чем от организма.

Значительная часть проводки у меня в голове вышла из употребления, но встроена была так прочно, что без фатальных осложнений не удалишь.

Петрушка стрельнула глазами влево, покусала нижнюю губу:

– У нас, Внешних, все немножко иначе: мы не получаем приказы, а просим о назначениях.

– То есть ты сюда сама напросилась?

Она плашмя положила на стол одну ладонь, накрыла ее другой. Я заметил у нее над верхней губой бусинки пота.

– Что тебе сказать? Я мазохистка.

Я был достаточно знаком с Лаурой Петрушкой, чтобы знать: это не так. Я читал ее досье – так же как она наверняка читала мое. В университете она специализировалась на политической и экономической теории, блистала в стрельбе из лука, фехтовании и шахматах. На третьем году студенчества один из лекторов завербовал ее в разведку, и с окончания курса Петрушка трудилась для тайной дипломатии.

Она не собиралась становиться шпионом. И это у нас тоже было общее.

Я, в отличие от большинства оперативников разведки Конгломерата, не служил в войсках. Я был захолустным копом, гонял уголовников по грязным норам обветшалых подводных городов Европы. И впутался куда не следовало: заурядное уличное убийство вывело на комиссара полиции – после чего меня стали бить, и били жестоко. Три сломанных ребра, раздробленная коленная чашечка, четыре сломанных пальца. Через пару дней двое штатских чинов вытащили меня из жалкой больнички, в которую спихнули копы – мои бывшие коллеги, – и спросили, не хочу ли я заняться настоящим делом.

Я даже не раздумывал.

Вступление в разведслужбу Конгломерата было моим единственным настоящим жизненным успехом – а первое, что я сделал на этой службе, – вернулся и арестовал всех мерзавцев из моего прежнего участка. Даже десять лет спустя меня согревало и утешало воспоминание об их взбешенных рожах.

Увы, больше утешаться было особенно нечем.

– Ладно, – сказал я, соблюдая негласные условности наших странных отношений. – Ты хочешь знать или нет?

Петрушка дернула бровью в смысле «продолжай».

– Мне приказано явиться в космопорт Северный, – сказал я.

Она чуть подтянулась на стуле. Северный лежал в другом полушарии и на гораздо более прохладном континенте.

– Зачем?

Я вздохнул. Сообщая ей сведения, которыми собирался поделиться, я становился изменником, – но за эти месяцы я перестал видеть в Петрушке врага. С моей точки зрения, она больше всего на этом гнилом шарике походила на друга.

Поскрипывал потолочный вентилятор. Я глотнул пива, промыл глотку. Сколько месяцев пришлось ждать, пока в конце туннеля, которым стала моя жизнь на этом раскаленном забытом клочке земли, покажется свет.

– Сюда идет корабль. Я должен подсесть к ним, чтобы добраться до Галереи.

– До Галереи?

– Да...

Голос меня подвел, пришлось сделать хороший глоток из стакана. Не хотел ей показывать, как меня трясет. Я не знал, отчего эти бабочки у меня в груди: от радости, от страха или от барракудовой травки. Может быть, от всего сразу.

— ...Они хотят, чтобы я там кое-что отыскал.

8. Сал Констанц

От посольства я забрела к причалам станции Камроз. Спешить к «Злой Собаке» не было нужды. Корабль сам отлично пообщается со станцией, затребует у нее все необходимое и уведомит меня, когда ее обслужат и подготовят к старту. А пока я гуляла. Люди, встречавшиеся мне по пути, – те, что предпочли пеший ход поездке на трубе, – похоже, собрались со всех планет и группировок Общности. Местные предпочитали свободные кимоно длиной до щиколоток, а экипажи кораблей одевались в рабочие робы или форму. Я в своем синем комбинезоне Дома Возврата не привлекала внимания.

По обе стороны причальных ворот открывались окна в большие отсеки, иногда занятые кораблями. Я заметила разведчик, похожий на «Хобо», – на полу ангара он смотрелся как мотылек, присевший на пол гимнастического зала. В соседнем отсеке механики перебирали массивный грузовоз добрых полутора километров в длину. Дроны техподдержки пролетали его насквозь, задерживаясь тут и там, чтобы приварить заплатку или заменить деталь.

Корабельные мозги собирали в виртуальных инкубаторах под строгим надзором, исключавшим встроенные способности к несанкционированному самосовершенствованию или размножению. Самые общительные мозги придавались круизным судам; другие, способные руководить и оберегать, ставились на управление орбитальными станциями вроде Камроз; одиночки, замкнутые и склонные к отшельничеству, устанавливались на разведчики и грузовики дальней доставки.

Спросите «Злую Собаку» – она постарается вас убедить, что стала боевым кораблем по причине строгой морали и предрасположенности к науке. Она видела себя чем-то вроде воина-поэта наподобие японских самураев семнадцатого столетия. Но я, два года командуя этой зверюгой, пришла к выводу, что ее индивидуальность схожа с необыкновенно умной немецкой овчаркой: верной, энергичной и всегда готовой показать зубы чужому. Кораблям не полагалось тонко различать добро и зло. Тяжелым крейсерам слишком дорого обошлось бы раскаивание в содеянном, а спасательные суда не могли отвлекаться на сожаления о тех, кого не удалось спасти. И от тех и от других требовалось мгновенно принимать решения в ситуациях между жизнью и смертью – и жить со своим выбором. Однако клоны человеческих клеток, входившие в конструкцию корабельного мозга, давали непредвиденный побочный эффект – в искусственные личности просачивались человеческие эмоции. Ими и объяснялось решение «Злой Собаки» выйти в отставку и приписаться к Дому Возврата.

Я никогда не спускалась в мыслящие джунгли Пелапатарна, но однажды пролетала над ними в грузовом дирижабле, переправлявшем медикаменты из порта в порт. Это было за три недели до решающей атаки, я тогда пополняла резервы медицинского фрегата. Шесть часов мне нечем было заняться, кроме как болтать ногами, свесив их сквозь перила обзорной платформы гондолы, дышать цветочным запахом леса, слушать, как кричат и щебечут птицеящерицы, и дивиться глубокомысленному поскрипыванию деревьев, погруженных в наводящие сон полувековые беседы.

Когда Конгломерат нанес удар, я уже вернулась на «Соловья» и вывела его на высокую орбиту, куда сражение не дотянулось. С такой высоты планета напоминала лежащий на бархатной подушечке космоса драгоценный камень, а ее единственный континент – осколок изумруда в блистающей синеве океана.

После удара ничего этого не осталось. Тучи дыма и пепла затмили поверхность, превратив мерцающий самоцвет в затянутое бельмом глазное яблоко, и мы с безопасного расстояния ужасались этому зрелищу. Нас даже больше потрясло святотатство, чем медленно доходящая до сознания мысль, что мы проиграли войну.

В первые часы после удара спасательные челноки вытаскивали из радиоактивного ада до боли малочисленных выживших. Погибло все наше верховное командование, а с ним тысячи солдат обеих сторон. В живых остались только те, кому посчастливилось оказаться в глубоких бункерах на побережье, на окраине бойни.

Их мало-помалу переправляли на борт: обожженных дочерна, с незрячими глазами, с обугленной, покрытой пузырями кожей, с выгоревшими волосами и одеждой, зараженных почти смертельными дозами облучения. Редко когда удавалось определить, на чьей стороне они воевали, – да и мало кому было до этого дело перед лицом всепоглощающего ужаса. Мы могли только латать тех, у кого еще оставалась надежда, и устраивать поудобнее тех, у кого ее не было.

К концу второго дня после бомбардировки я вызвалась спуститься на планету с одним из челноков. Штатные команды давно вылетали допустимое время и пределы облучения. Если бы не добровольцы вроде меня, пришлось бы прекратить спасательную операцию.

Я плохо помню спуск сквозь верхние слои атмосферы. По-моему, все это время я просидела зажмурившись. Только под конец, когда мы по спирали спускались к земле, я через плечо пилота взглянула на дымящиеся руины цветущего в прошлом мира. Пепел налипал на обводы челнока, грозил забить двигатели. А на земле все было черное, обгорелое. Местами почву прожгло до коренной породы, в других торчали сквозь дым обугленные пни – останки могучих стволов, – как изуродованные вандалами могильные камни.

Нашей целью была база снабжения, заглубленная в основание скалы на подветренной стороне континента. Мы получили сигнал от уцелевших и основательно надеялись, что преобладающие ветры снесли большую часть осадков вглубь материка, от скалистого берега, на котором скрывался закамуфлированный вход в бункер. Тем не менее все мы оделись в защитные костюмы и на всякий случай вооружились. Нам уже сообщали об инцидентах, когда не понимающие, что происходит, или обезумевшие солдаты обстреливали спасателей, не желая или не умея поверить, что военные действия окончены.

Нам, впрочем, повезло. Забившийся под скалу взвод морского десанта, как и мы, принадлежал к внешникам и не думал воевать. Они понимали, что случилось, и были потрясены не меньше нашего. Более того, они, думаю, чувствовали, как содрогалась от взрывов скала у них под ногами – будто сама планета корчилась от ярости. Они были больны, изранены и отчаянно нуждались в обеззараживании. Их усталая бессловесная благодарность к нам все же была благодарностью, и притом искренней.

Мы забрали их на «Соловья» для лечения – это была самая большая к тому времени группа спасенных. Позже я кое с кем из них познакомилась. А еще позже, когда оставила службу, чтобы поступить в Дом Возврата, одна из десантниц ушла со мной. Сказала, что последует за мной куда угодно, что обязана мне жизнью, что, если бы я не привела челнок, они бы сгинули в том бункере. Мы часто расходились во мнениях, но я была ей рада.

Ее звали Альва Клэй.

Вернувшись на «Злую Собаку», я обнаружила переминающегося у двери отсека молодого человека. На плече у него висел тяжелый мешок, у ног стоял чемодан.

– Простите, – заговорил он, – вы капитан Констанц?

Я оглядела его яркий оранжевый комбинезон:

– Вы на замену?

– Престон Мендерес.

– Сколько вам лет, Престон?

– Двадцать четыре.

– Когда окончили медицинский?

– В прошлом году.

– Полевой опыт есть?

Он покраснел, потер бровь большим пальцем:

– Полгода на «Счастливом страннике».

– Это лайнер? Чем занимались, лечили головную боль и похмелье?

Он напрягся:

– Не только.

– Не сомневаюсь, – сказала я и повернулась к двери. – Ну, входите, раз пришли.

Я шагнула через порог – от относительной тесноты станционных коридоров в гулкий простор дока. Стены разошлись в стороны на полкилометра, а дальняя, открывавшаяся в пространство, вдвое больше. Потолочные светильники над головой походили на звезды в небе.

«Злая Собака» висела в центре помещения по вертикальной и горизонтальной оси. Воздух под ней слабо мерцал. Прожекторы освещали ее бронзовую шкуру яркими кругами. От двери, где я стояла, видны были силуэты бездействующих систем и пустые оружейные гнезда на месте самого грозного оружия.

Вошедший за мной Престон Мендерес остановился и, заслонив глаза от света, оглядел остроконечный корпус.

– Господи, – выдохнул он, – что за древность!

Я уколола его взглядом, предупредив:

– Осторожней, она может и обидеться.

Мы прошли в тени «Злой Собаки» к ожидавшей нас платформе.

– Держитесь за перила, – посоветовала я, памятуя о склонности корабля к театральным эффектам. Не говоря уж о ее мстительности.

Однако нас доставили в брюхо зверюге без единого толчка. Взглянув на пренебрежительную мину мальчишки, я подумала: «Посмейся, пока можно!» Я знала свой корабль и знала, что она ему тех слов не спустит. Сквитается какой-нибудь шуточкой – неизвестно только, когда и как.

Если не считать нескольких панелей доступа, узких ходов и люков для ремонтников, большая часть предназначенных для людей пространств размещалась в баранке, насаженной на ее корпус в самом широком месте. Полость остроконечного носа занимали датчики и вооружение, а остальное, от носа до плавно сужающейся и срезанной под плоскость кормы, отводилось под двигатели. Жилое пространство напоминало надувной круг на акуле.

Мы вошли через погрузочный отсек. От перехода во внутреннее гравитационное поле корабля мой желудок привычно екнул. На «Собаке», где бы вы ни стояли, «верх» всегда ощущался в направлении оси корабля. Пол основных коридоров, казалось, плавно загибается кверху вперед и позади, словно вы стоите на дне пологой долины.

Из вентиляции на потолке тянуло прохладой и запахом компоста, но к этому быстро привыкаешь. Желобчатый металл стен когда-то выкрасили в белый цвет, но за прошедшие годы краска пожелтела, приняв оттенок грязноватой сепии, а поколения флотских исцарапали ее своими инициалами и непристойностями. Стены около своей каюты украшала только Альва Клэй. Мы с Уокером не трудились придавать личные черты коридорам за дверью, предпочитали всю красоту держать внутри. По взаимному согласию мы выбрали каюты на противоположных сторонах окружности, удалившись друг от друга, насколько то было возможно в пределах жилого отсека.

Не то чтобы мы питали друг к другу особую неприязнь; просто никто из поступающих в Дом Возврата не может похвастать счастьем в личной жизни. За других не скажу, а я сторонилась соседей по той же причине, по какой вообще поступила на эту службу: хотела уйти от людей, от всего, что наделала и повидала; нуждалась в уединении, чтобы заново оценить свои чувства и опыт и определить свое место в хаосе событий. А что касается расположения каюты,

если уж по всей правде, – хотела, чтобы можно было вдоволь, никого не беспокоя, поплакать. Девяносто процентов жилых кают стояли пустыми и голыми. Мне представлялось самым естественным оградить себя от соседей максимальным количеством пустоты – и соседи, похоже, разделяли мои чувства. Корабль не слишком нуждается в обществе себе подобных – не слишком нуждались в нем и мы. В любое время дня и ночи здесь можно было бродить по пустым каютам, воображая, что ты совсем один.

Впрочем, я, ведя нашего новобранца к старой каюте Уокера, вовсе об этом не думала. Я как само собой разумеющееся приняла, что он займет койку своего предшественника. Мне в голову не приходило, что ему захочется спать в другом месте.

– Ночные страхи?

– Да, капитан.

– И ты собираешься стучаться в мою дверь всякий раз, как тебе приснится кошмар?

Клянусь, он покраснел.

– Нет!

– Тогда как понимать твою просьбу?

Он шарил глазами по палубе, лишь бы не встретиться с моим взглядом.

– Так легче, – пробубнил он.

– Отчего легче?

Нечасто я видела молодых людей в столь сильном смятении. Его так и перекосило, и рука тянулась почесать затылок. В глазах блестели слезы стыда.

– Когда кто-то рядом.

Мы постояли, разглядывая друг друга, и мне показалось, что я поняла. Я сама, ложась в постель, оставляла свет в ванной, чтобы не спать в полной темноте, чтобы каюта представлялась обычной безопасной комнатой – местом, где бессильны призраки фрегата медслужбы и можно спать спокойно.

– Хорошо.

Я развернулась на каблуках и повела его вверх по изгибу главной палубы. Он, нагруженный багажом, тяжело тащился следом.

– Капитан?

Я не оглянулась. Этого парнишку я не знала, и мне не было дела, как он спит.

– Послушай, – неловко заговорила я, подумав о Джордже – о том, что тот был бы жив, будь я тогда свежей, отдохнувшей и начеку. – Если тебе так легче, можешь занять каюту напротив моей.

– Правда? – с надеждой поднял глаза Престон.

– Только не жди, что я стану держать тебя за ручку, отгоняя страхи.

– Не буду, – неуверенно улыбнулся мальчишка, – спасибо.

– И не благодари.

Я подвела его к пустующей каюте, открыла дверь, включила свет и сказала:

– Но я не о тебе забочусь.

Он вопросительно посмотрел на меня – взглядом юнца, которому не понять взрослой женщины.

– А о ком?..

Посторонившись, я жестом предложила ему зайти. Мне хотелось сказать, что я делаю это ради Джорджа. Но я знала, что забочусь о себе, силюсь заглушить чувство вины, которое с его смерти вопило мне в уши, стоило только остаться наедине с собой, когда затихал шум и гас свет.

– Смотри никому не надоедай, – предупредила я.

Он благодарно улыбнулся:

– Не буду, капитан, честно.

Престон верил своим словам, но у меня были недобрые предчувствия насчет этого соседства.

– Смотри же!

9. Сал Констанц

Зарядив топливные ячейки и плотно набив трюм, «Злая Собака» скинула причальные крепления.

Я сидела в рубке, пристегнувшись к командному посту. Альва Клэй была внизу в своей каюте, Престон – в своей, а Нод, надо полагать, в своем гнезде.

Все время подзарядки «Собака» поддерживала связь со станцией Камроз, и они вдвоем до секунды вывели время старта. Когда «Собака» задрала нос, приюхиваясь к космическому вакууму, двери дока уже раздвигались. Кончик ее бронзового носа поймал солнечный зайчик, и я ощутила дрожь палубы от работы маневровых сопел.

Мы выскочили из станции и ворвались в поток движения, как скоростной катер во флотилию яхт, оставив их суетиться и верещать нам вслед, – я знала, что мой корабль получает от таких выходов извращенное удовольствие. Жаловаться, конечно, никто не стал бы. Мы шли под флагом Дома Возврата – в другой раз, может статься, так же неслись бы спасти их жизни.

На экране уменьшалась станция Камроз. За сплетением ее усеянных мигающими огоньками колец виднелись рыжие континенты и голубые океаны планеты Камроз, ставшей домом для двух миллиардов человек.

Как удивительно, подумалось мне. Когда-то все человечество обходилось единственной, такой же вот хрупкой планеткой. Что за нелепость? Как можно было жить взаперти, в такой тесноте? Пока не пришел зов Множественности – в образе потрепанного торгового суденышка из скопления Кубка, – человечество, верно, лезло на стену своей тюрьмы. Моя прапрабабка по матери, если верить семейным преданиям, жила на Луне, на орбите умирающей Земли. Ее звали София Никитас. Когда в Море Спокойствия опустился тот торговец, ей было шестнадцать. Пропала она в возрасте сорока пяти, а до того преодолела тысячи световых лет и оставила следы в пыли сотни с лишним различных планет. А попутно еще основала Дом Возврата.

Я не требовала от Дома никаких преимуществ по праву родства. Мне не хотелось сравнивать свои успехи с ее достижениями. И все же, сидя в рубке «Злой Собаки», готовясь нырнуть в воющую пустоту гипера, я чувствовала, что опозорила ее память.

Как только звезды уступили место серой мгле, я отстегнулась и пошла в сторону кормы. В прыжке мы проведем сорок восемь часов, а таращиться на вид за окном мне не хотелось ни одной лишней минуты. Пустота высших измерений обманывала отвечающие за зрительное восприятие отделы мозга – в отсутствие стимулов они продуцировали видения, галлюцинации, тошноту и ползучий ужас.

Во время базовой летной подготовки мы все это испробовали. Всем предлагали устать в пустоту гиперпространства и не отводить взгляда, пока в ней не станут мерещиться узоры и искры. Но почти никто не захотел бы этого повторить – большинству хватало однажды узнать, как оно бывает. Вызванные таким созерцанием кошмары и головные боли отбивали охоту к новым попыткам. Те немногие, кто пробовал второй и третий раз, – а на каждом курсе таких находилось один или двое, – рисковали заблудиться в видениях и паранойе, поверить в шевелящихся на дальней границе восприятия титанических существ, проступающих из серого однообразия высших измерений.

Из рубки я первым делом отправилась в каюту к Альве. Дверь была открыта. Я вошла и, скрестив руки на груди, прислонилась к стене:

– Привет.

Она сидела на кровати, разбирая личное оружие. Не поднимая глаз, бросила:

– Я тебя с того конца коридора услышала.

– Не хотела являться без предупреждения, – сказала я, разглядывая полуразобранный пистолет, сложенные на тряпице у нее под ногами детали. – Хорошо повеселилась на Камроз?

– То еще веселье.

Она вздернула подбородок, так что мне стали видны наливающиеся синяки под глазами и чистая ленточка хирургического пластыря на переносице.

– А ты? – спросила она. – Виделась с посланником?

– Да.

– Досталось тебе от него?

Я понуро усмехнулась:

– Не так, как тебе.

Альва подняла правую руку промокнуть уголок левого глаза, и я увидела, что костяшки у нее тоже заклеены пластырем.

– Но в дерьмо макнули? – спросила она.

Я вздохнула:

– Он захочет со мной побеседовать после возвращения.

– Уволят, как думаешь?

– Не знаю, – пожала я плечами. – Могут.

– Это хорошо, – жестко добавила Альва.

Я отвела глаза от ее вызывающего взгляда и тихо сказала:

– Что я могла сделать? Даже корабль не успел среагировать.

Боковым зрением я увидела, как она кривит губы.

– Ему вообще не полагалось там стоять.

Она наклонилась, начала собирать пистолет, с машинальной точностью устанавливая на место каждую деталь.

– Если бы ты выполнила свои обязанности, – заявила Альва, – мы бы знали, кто обитает в море. Ты бы предупредила его не приближаться с носилками к воде.

– И мы бы потеряли тех двоих, что вытащили с «Хобо».

– Мы их и так потеряли.

Я крепче обхватила себя за локти:

– Не в этом дело.

– Разве?

Я возвращалась к себе в каюту длинной дорогой по круговым коридорам жилой зоны. Надо было пройтись, выпустить пар и вытоптать напряжение, от которого сжимались кулаки и с каждым выдохом из горла вырывалась брань. К сожалению, мне стало еще хуже, когда я сообщила, что этот путь ведет мимо каюты Джорджа.

Перед его порогом я замедлила шаг, думая, как избежать новых напоминаний о своем провале. С Престоном я здесь уже побывала, и хватит на сегодня. Не тянуло видеть вещи Джорджа, лежащие так, как он их оставил: снимки дочери и внуков – на переборке, сувениры – на полках. Не хотелось вдыхать успокоительный домашний запах нестираных простыней. И я просто тронула ладонью холодную сталь дверной створки и прошла дальше, мимо сотен других пустых и темных кают, стараясь твердым и быстрым шагом разбить вставший в пищевод ком.

Я поступила, как, считала, будет лучше, как требовала, казалось мне, ситуация. Если признают виновной в халатности, я не стану оспаривать приговор: потрачу последнюю выплату на рейс до Земли, найду дочь Джорджа, извинюсь перед ней лично. А потом... ну, так далеко вперед я не заглядывала. Пока я точно знала одно: есть попавший в беду лайнер. Девятьсот человек молятся в темноте о спасении, и мое дело – им помочь. Мы ближе всех. Пока до них не доберемся, все заботы и соображения пусть посидят в заднем ряду. Пока что я еще капитан Дома Возврата и моя обязанность – помогать гражданам Общности вне зависимости от их

расы, религии и политической принадлежности. За этот идеал отдал жизнь Джордж Уокер, и единственное, чем я могла почтить его жертву, – это самой держаться до упора.

10. Злая Собака

Я, заключающая в себе ингредиенты, взятые от человека и собаки, питала естественное любопытство к истории земной жизни. Потакая этому любопытству, я просматривала записи бейсджамперов, бросавших свои хрупкие тела с утесов и крыш небоскребов. Я видела, как ветер трепал их одежду, воображала, как он выл в ушах, как хлестал холодом по лицам, бил в грудь и по ногам. Несколько мимолетных мгновений свободного падения на опасной грани между бытием и небытием, с верой, что парашют подхватит до удара, опустит на землю живыми и здоровыми.

Я говорю об этом потому, что это человеческое переживание ближе всего к прыжку сквозь гиперпространство.

Оставив позади Камроз и прыгнув к месту назначения, я зависла посреди ничто. Я чувствовала бьющий по корпусу ветер (который не был ветром), слышала растянутый и усиленный электромагнитный рык вселенной. Переключались между собой корабли в отдаленных системах, и я слышала эхо их голосов, как песню кита подо льдами Арктики. Звезды ревели, как пламя сварки. И я рвалась сквозь туманы, подобно летящему с небоскреба парашютисту, в восторге от исполнения того, к чему была предназначена.

Инструмент, как и оружие, живет только в те мгновения, когда его используют. Я, отрекшись от войны, существовала теперь ради этих секунд прыжка из вселенной по блистающей дуге сквозь бездонное ничто, когда полагаешься только на свои расчеты: они подхватят и в сохранности донесут до цели.

Допустившие ошибки в расчетах или прыгнувшие с неисправными двигателями суда редко возвращались из высших измерений. Я помнила несколько таких по военным временам – хорошие корабли, пошедшие на отчаянный риск в надежде спасти себя и свою команду – и пропавшие навсегда, безвозвратно канувшие в туман.

В населенном людьми кольце на моей талии выключали наружные экраны. Пустота лимба тревожила глубинные инстинкты людей. Их мозги млекопитающих, слишком долго пробыв лицом к лицу с бездной, начинали рисовать саблезубые тени, проступающие из тумана за устьем пещеры. Миллионы лет эволюции встроили в них способность отыскивать формы и образы, находить в сумятице листвы затаившегося хищника. В полной бесформенности высших измерений самопроизвольно включался тот же инстинкт, создававший осмысленность и угрозу там, где их нет.

Меня, само собой, создатели избавили от таких забот. В моем восприятии окружающей пустоты не было ни фантазий, ни иллюзий. Мои прицельные компьютеры отмечали только угрозы, подтвержденные другими датчиками. Один из моих лейтенантов военных времен любил цитировать Ницше. Но я, вглядываясь в бездну, видела только отсутствие, а если бездна и всматривалась в меня, я не замечала ее внимания.

Вместо этого я позволила себе вспоминать войну и потерянную мной семью.

Цивилизация Конгломерата числила в предках капиталистическую англо-американскую культуру, расцветавшую на берегах Атлантического океана за века до Великого Рассеяния, а та культура, в свою очередь, многие основы и идеалы позаимствовала у классических греко-романских империй Средиземноморского бассейна. Конгломерат, уступая другим человеческим объединениям Общности в величине и мощи, сохранял зато наибольшее этническое и культурное разнообразие. Он насчитывал среди своих граждан представителей всех земных рас и религий – хотя обязан был таким феноменом в основном порабощению иных в восемнадцатом и девятнадцатом веках, а также войнам и миграции в двадцатом и двадцать первом, чем сознательной политике всепримирения.

Я, корабль флота Конгломерата, первые двенадцать лет жизни служила в одном строю с братьями и сестрами. Тяжелые крейсера класса «хищник» были во всех отношениях подобны мне.

Боевая Шавка.

Адалвольф.

Анубис.

Койот.

Фенрир.

Мы составляли стаю, банду и семью, наши разумы зачинали и выращивали в одной лаборатории. Мы вместе участвовали в патрулировании границ и полицейских облавах, поддерживали порядок и давали защиту всем колониям, пограничным постам и кораблям на территории Конгломерата. Десять лет мы были смертоносны и неразлучны – хищники с вершины пирамиды, в пределах человеческого космоса почти не знавшие себе равных в быстроте и боевой силе. Потом случилась война Архипелага – и покончила с нашей самоуверенностью. Самый гордый из нас, Анубис, пал жертвой батареи магнитных пушек, разгонявших железные болванки до субсветовых скоростей. Через неделю влетел в наноминное поле, скрытое в хромосфере звезды, милый добрый Койот. Взрывы миниатюрных зарядов антиматерии сами по себе не вывели бы его из строя, но они лишили корабль тепловой защиты, а без нее перегретый в плазму водород выжег всю начинку.

Теперь война кончилась, и я больше не сражалась. Я старалась спасать людей. Я швыряла себя к звездам, как кулак в лицо бога, и иногда, если повезет, нам удавалось вытащить одного или двоих. Пока что за всю службу в Доме Возврата я стала орудием обнаружения и спасения (считая двоих с «Хобо») двухсот пяти живых индивидуумов и способствовала возвращению семисот семидесяти одного трупа. Сумма спасенных жизней все еще и близко не дотягивала до числа жизней, мною прерванных.

Война Архипелага залила кровью пространства от внешнего края Рукава Галактики до мыслящих джунглей Пелапатарна. Во время осады астероидной крепости Холодный Тор моя стая выцеливала крупные скопления гражданского населения. Я в ответе за превращение шести герметичных жилых куполов в кратеры с рваными краями. В каждом куполе обитало более двух тысяч мужчин, женщин и детей. Те, кто не погиб от ударов и взрывов, умерли через несколько секунд, задохнувшись в вакууме.

А потом я по приказу капитана Аннелиды Дил помогала выкашивать мыслящие джунгли Пелапатарна, превращала в прах и пепел миллионолетний парламент разумных деревьев. Возможно ли простить такое преступление? Я действовала по приказу; я была всего лишь оружием, механизмом доставки для ярости флота Конгломерата.

И все же виновата и я. Просочившиеся из человеческих частей моего мозга эмоции развили у меня зачатки совести, о которой я, впрочем, не докладывала вышестоящим. Предотвратить атаку я не могла, но могла бы отказаться в ней участвовать; могла бы затеряться в злых ветрах высших измерений, оставив бойню сцепившимся между собой частям Общности. Я могла выбирать из этих возможностей, но не стала. Я сыграла роль, прописанную во всех компонентах моей сущности. Я, боевой корабль класса «хищник», исполняла свои функции вопреки гложащим сознание вопросам и сомнениям. Моя стая, применив доступные нам инструменты, положила конец конфликту – ценой жизни девятнадцати тысяч солдат и четырехсот тысяч людей-некомбатантов.

Мы перебили их вместе с сопливыми джунглями, в которых они сражались, чтобы не дать конфликту распространиться еще шире. Старшие по чину заверили нас, что это преступление оправданно. Советники Дил с восьмидесятисемипроцентной вероятностью рассчитали, что беспощадная жестокость удара разом прекратит войну, предотвратив новые и, вероятно, большие потери в будущем. Я исполняла долг и не оспаривала решений: я вела огонь и монито-

рила причиненные разрушения, подтверждавшие полную, непоправимую эффективность моих действий. Я видела, как горят деревья и люди. Их голоса терялись в реве пламени. У них от жара обугливались лица, вскипали кровь и мозг, а древесный покров планеты превращался в черную дымящуюся пустыню.

Думаю, ужас той атаки разбудил что-то в каждом из нас. Боевая Шавка намеренно ошиблась в прыжке, без цели и без надежды кинувшись в высшие измерения. Такого до нее не делал никто. Она пропала в одно мгновение, и вряд ли я когда-нибудь узнаю, что с ней стало.

А я?

Я ушла.

До меня ни один корабль не подавал в отставку. Но власти не имели силы мне помешать, разве что приказали бы уничтожить. Я высадила команду на нейтральной станции – кроме Джорджа Уокера, который, не испугавшись обвинений в измене, сам захотел остаться, – и объявила себя принадлежащей Дому Возврата.

Капитану Констанц я, конечно, не объясняла своих мотивов. Во время долгой и ожесточенной кампании Архипелаго мы воевали на разных сторонах. Она командовала медицинским фрегатом внешников и немалую часть войны провела на орбите Пелапатарна. Мы обе присутствовали при финальной бойне, но никогда о ней не говорили. В Доме Возврата бывшие враги плечом к плечу трудились на общее благо; бывшие преступники заглаживали вину, жертвуя собой. Вступивший в Дом Возврата отрекался от прошлого и отдавал себя службе своему роду – а в моем случае роду, сконструировавшему меня и мою семью.

Я наслаждалась бьющим в спину безжалостным шквалом, едва ощутимым трением серого тумана о ведущий край. Погружение в высшие измерения несло в себе риск, но, как и прыжки бейсджамперов, восторженный ужас скоро становился наркотиком. В мою бытность боевым кораблем переживание этих полетов обострялось предвкушением схватки. Теперь я была ангелом милосердия, и меня подхлестывало сознание, что каждая выигранная секунда может обернуться спасенной жизнью.

11. Она Судак

Я вывалилась в сознание на разбитой плитке разрушенного спортзала. Времени не было. Я позволила себе зависнуть на миг. Все представлялось нереальным; боль и судороги – просто от слишком энергичных упражнений в любви и сурового часа на тренажерах. А потом ноздри наполнились дымом, а уши – криками. И голова тошно поплыла от сознания, что случилось страшное. Я села, и мир перевернулся. Ноги до бедер торчали из-под халата, левая рука неуклюже повисла. Я чувствовала себя избитой, голой и заскорузлой, как жертва атомного удара. Подростки из сауны пропали, скошенные обломками, перемолотые и разбитые силой толчка.

Я была в бассейне.

Я помнила... торпеды.

Пол за моей спиной шел круто вверх, накренившись под необычным углом. Та вода, что осталась в бассейне, располагалась наклонно к палубе. Я не знала, что случилось с «Амстер-дамом», но по тому, как нас перекосило, поняла: искусственная сила тяжести отказала.

– Корабль?

Я, ухватившись за распахнутую створку шкафчика, подтянулась на ноги. В левой руке при каждом движении вспыхивала боль, но я почти не сомневалась, что перелома нет. Модификация сделала мои кости практически несокрушимыми. Мышцы могло смять в кашу, но плечевая кость наверняка уцелела.

– Корабль, ты есть?

Хриплый вопль в коридоре сорвался через крещендо в рваное, предсмертное молчание.

– Корабль?

Я осторожно, придерживаясь здоровой рукой за стену, шагнула в коридор, ведущий к центральной воздушной шахте. Все инстинкты велели выбираться отсюда, найти спасательную шлюпку и покинуть разбитый корабль. Тот, кто это сделал, мог вернуться и довершить начатое. Могла пострадать термоядерная установка. У меня была тысяча причин бежать без оглядки, но бросить Адама было стыдно – как бывает стыдно бросить домашнее животное. Он молодой, не бывал в бою, не испытывал телесных травм. Мне представлялось, как он сжался в комок у стены, ноги придавлены упавшей мебелью... Он рисовался мне в коме, истекающим кровью в душевой, красивая голова разбита о кафельную стену. Что он, может быть, уже мертв, мне на ум не пришло. В ту минуту я знала одно: мой долг – вернуться в каюту и проверить, как он.

Выбравшись к центральной шахте, я глянула вверх, в пятьдесят метров пустоты. Деревья повисли косо. С некоторых балкончиков тянуло черным дымом. В воздухе заволокло металлись птицы. На травяном полу шахты лежало несколько трупов, сброшенных толчком с верхних палуб. Я поймала себя на том, что разглядываю их, прикидывая, кто сколько падал.

Транспортные трубы, как и следовало ожидать, не работали. Если идти в каюту, оставалось только подняться на шесть этажей пешком, но лестничную дверь перекосило и заклинило. Пока я сумела оттянуть ее, чтобы протиснуться, до крови ободрала костяшки пальцев.

На три пролета я поднялась, потом сломалась. Помятая рука бессовестно болела, ноги дрожали и подгибались. Я привалилась спиной к гладкой белой стене и соскользнула по ней на пол. Пол охлаждал голые ляжки. Лестницу использовали редко, так что при восхождении я никого не встретила – а сколько осталось запертыми в отказавших трубах, даже думать не хотелось. Взглянув на закрученные по спирали ступени над собой, я поняла, что дальше идти нет сил. При всей моей решимости пробиться к Адаму мне нужна была медицинская помощь.

Если бы корабль хоть как-то функционировал, он уже выслал бы автоматические дроны «скорой помощи»; а раз не выслал, значит отказ системный, захватил даже самые надежные резервы, которые должны были защищать пассажиров и команду в таком невероятном случае, как крушение. От этой мысли у меня по жилам стал растекаться лед. Никогда не слышала,

чтобы корабли умирали вне зоны боевых действий. Руки у меня затряслись. Я маленькими глотками, сквозь боль, тянула в себя воздух. Если мозг «Амстердама» вычеркнут из уравнения, я должна как можно скорее подлатать себя. Шок был непозволительной роскошью. Воздух и тепло рано или поздно кончатся, и продовольственные раздатчики наверняка не действуют. До ближайшей границы Общности нам три или четыре дня ходу, а кто знает, долго ли мы проживем в этой разбитой скорлупке.

Я с сожалением отказалась от попытки одолеть лестницу и стала потихоньку спускаться, съезжая со ступени на ступень. На нижней палубе располагался лазарет, в нем найдутся обезболивающие и противошоковые средства, с ними я несколько часов продержусь. А потом, как я подозревала, каждый будет сам или сама за себя. Если Адам еще жив, придется ему подождать. Я, как умела, пусть и грубовато, любила его, но не настолько, чтобы любовь подавила свойственный мне прагматизм. В конечном счете его смерть для меня значила меньше, чем собственная.

Я уже начала думать о нем в прошедшем времени.

12. Сал Констанц

Нода я нашла между двумя блоками двигателей – он втиснулся в технический люк и менял какие-то детали в запасных силовых шинах. Время было позднее, однако Нод не возражал против моего визита. Вздумай я устроиться в его гнезде, он и тогда не стал бы спорить. Драффы, при всей своей пресловутой сварливости, не склонны были отстаивать территорию. Пока я не мешаю работать, он будет спокойно терпеть мое присутствие.

– Как дела? – спросила я.

Нод не поднял ни одного лица.

– Много грусти.

– Тебе грустно?

В тусклом освещении машинного зала синие чешуйки у него на спине поблескивали, как масляная пленка на воде.

– Не я, корабль. Тревожная Собака грустит.

Нод, пятясь, с опорой на все шесть двенадцатипалых рук, выбрался из узкого прохода. Драффы не стоят на ногах в человеческом понимании. У них все конечности могут исполнять роль рук или ног, и на каждой «руке» расположены органы восприятия, позволяющие использовать ее как лицо. Два, три или четыре этих лица они применяют для опоры на пол или на стену, а оставшимися производят работы, причем вверх тормашками им так же удобно, как в нормальном положении. Нервные особы находят их похожими на гигантских чешуйчатых синих пауков, зато из них получают дьявольски ловкие механики звездных кораблей: они умеют закрепиться и в свободном падении, и под тягой, и у них еще остаются свободными две, три или четыре руки с дюжиной тонких противостоящих отростков на каждой; и каждой, помимо осязания, дано еще видеть, чувствовать и ощущать вкус. Потому-то драффов и нанимают обслуживать силовые установки и прыжковые двигатели наших надпространственных судов, да и не только наших – всех вышедших в космос рас, какие нам известны.

– Что значит – кораблю грустно?

Нод пожал плечами – этот жест он перенял у людей, но у драффа он выглядел по меньшей мере в два раза сложнее.

– Корабль грустит.

– О чем грустит?

– Обо всем.

– О Джордже?

– О Джордже и обо всем.

Нод вытащил из инструментальной портупеи отвертку и принялся завинчивать крышку люка.

Я оглядела металлическую пещеру – мне почудилось, что я стою в сердце раненого зверя. Как это корабль может грустить? Его задумывали неподверженным ни горю, ни посттравматическому стрессовому расстройству.

– А ты как?

Ближайшие ко мне лица раскрылись и закрылись, будто цветы, – так драффы моргают от удивления.

– Грустно и не грустно.

– Это как?

Нод озадаченно взглянул на меня, – так он смотрел, когда я не могла разобраться в технических хитросплетениях его рапортов.

– Джорджа нет, и он есть. Ничто никогда не пропадает.

Я вопросительно смотрела на него. Умей он вздохнуть, по-моему, вздохнул бы.

– Мы служим, – он словно твердил наизусть расписание вахт, – покидаем Мировое Древо и служим. Когда возвращаемся, находим пару. Мы строим гнезда для потомков и ухаживаем за Мировым Древом. Служим Древу, потом умираем. Служим кораблю, потом служим Древу. Потом умираем и становимся землей. И становимся едины с Древом. Джордж теперь един с Древом. Ничто не пропадает, пока мы служим Мировому Древу.

Я оставила Нода в его неустанных трудах и вернулась в свою каюту. Время, если считать по станции Камроз, было около четырех утра.

Открыв дверь, я шагнула в каюту, бросила куртку на спинку единственного стула. На стальном столе лежала пачка моих рисунков – жестких угольных безлюдных пейзажей. Иногда я рисовала знакомые места, другие виды брала из грез и кошмаров.

Приняв горячий душ, я откупорила бутылку джина. Для защиты от одиночества нет ничего лучше пара и алкоголя.

Через полчаса, обернув полотенце вокруг талии, я лежала на койке со стаканом в руке. Разогретая под душем кожа светилась. Я чувствовала себя чистой, свежей и чуть больше чем под хмельком.

В дверь постучали.

– Кто там?

– Престон.

– Что тебе надо? – спросила я, садясь, и подтянула полотенце до горла.

– Можно войти?

Я окинула взглядом разбросанную по полу одежду и снимки мужчин, приклеенные к переборке над головой.

– Нельзя.

– Я не могу уснуть.

– Прими таблетку.

– Не могу, – он перешел на шепот, – страшно.

Я встала, нашла халат.

– Страшно принять таблетку?

Завязывая пояс халата, я ногой отпихнула под койку самые неприличные предметы разбросанного белья. Когда открыла дверь, Престон отшатнулся:

– Нет, не то. – Он кончиками пальцев тер себе горло – откровенно нервный жест. – Я не могу спать один.

Ребенок во взрослом теле... впрочем, разве не все мужчины такие?

– Ну, сюда я тебя спать не пущу.

– Я и не прошу, просто... – он осекся, не сумев выговорить, чего же ему на самом деле надо, – как я поняла, просто чтобы кто-то с ним побыл.

Я сжала зубы и вздернула подбородок. Я капитан, а не нянька.

– Вернись к себе.

– Но...

– Офицер Мендерес, я жду от вас всего двух слов.

Престон сглотнул и уставился в пол. Уши у него горели – наверное, от стыда.

– Есть, капитан.

– Хорошо, – я взялась за створку двери, собираясь закрыть, – а теперь возвращайся в каюту, пока не получил взыскания.

Он поежился:

– Капитан, я надеялся...

– Выполнять, солдат!

Я захлопнула дверь и поплелась к койке. Понимала, что про сон нечего и думать. Я и до этого стука в дверь была на грани: из-за предстоящей спасательной операции и вероятного – а может, и неизбежного – отстранения от службы. Я усилием воли удерживалась, чтобы не мерить шагами каюту и не потирать друг о друга ладони.

– Корабль?

– Да, капитан?

На стенном экране появилась аватара «Злой Собаки». Она оставила прежнее лицо, только теперь добавила еще черное кимоно.

– Я была с ним слишком жестока?

– Не знаю, компетентна ли я судить.

– Тебе наверняка приходилось разбираться с неопытными членами команды.

– Смотри что ты под этим понимаешь. – «Злая Собака» понизила голос. – Однажды при проникновении в Мессианское Скопление мне пришлось применить шесть ядерных зарядов ближнего действия, чтобы отпугнуть пару...

– Нет, я о другом. Я имела в виду – по-человечески разбираться.

Целых три секунды корабль словно обдумывал вопрос. А когда ответил, голос его был ровным и начисто лишен выражения.

– Я не человек.

– Но в тебе есть человеческие компоненты?

Вторая пауза показалась еще дольше.

– Тебе хорошо известно, – «Злая Собака» нахмурилась, – что некоторые отделы моей центральной нервной системы выращены из собранных стволовых клеток.

– Известно.

– Так что ты имеешь в виду, капитан?

Я покачала головой. Забыла, что хотела сказать. Вместо ответа встала и пошла в ванную.

Когда погибли родители, я училась в колледже. Они находились на борту исследовательского судна «Зеленый фитиль», взорвавшегося при картировании аккреционного диска черной дыры. К тому времени, как поисковики обнаружили их останки, медленно кувыркавшиеся в диске вместе с остальными обломками, пыль абразивом ободрала их тела до изъеденных оспинами скелетов. Мне было девятнадцать лет. Через год, когда началась война, я выбрала местом службы медицинский фрегат.

Сейчас, через десять лет и полгалактики оттуда, я навалилась на раковину и в безжалостно ярком освещении запотевшего зеркала рассматривала морщины у глаз, волоски ранней седины на висках.

– Возможно, – сказала я кораблю, – мне одиноко.

13. Злая Собака

Ей, возможно, одиноко!

Что она понимает в одиночестве! Я улетела от всего, что мне было дорого, отказалась от своего предназначения и посвятила жизнь служению людям. Выберите любой объективный тест – он покажет, что я почти настолько же человек, как капитан Салли Констанц. Пусть мои имплантаты лучше, мыслительные процессы быстрее и гибче, вооружение в миллиард раз мощнее, но по сути я такая же личность. В моей основе – стволовые клетки, собранные на поле боя, таком далеком, что солнечный свет, согревавший лицо умирающей, дойдет сюда только через двадцать лет. От щедрот меня наделили и собачьими генами, добавив упорства и готовности порвать всякого глупца, дерзнувшего угрожать моей стае.

Я живая. Пусть моя скорлупа – экзоскелет машины убийства из углеродных связей, а органы – механизмы из пластмасс, но в глубине – в ядре моего «мозга», под слоями кремния и света – скрывается несколько килограммов мягких и соляных органических нейронов. Я не машина; я существо, в котором смешались человек и животное. Я могу проследить происхождение своих спиралей ДНК до околоплодной жижи болот, в которых возникла вся земная жизнь. Я в родстве с птерозаврами, с древними волками и ястребами. Многие мои гены идентичны генам моей команды; мысли, потрескивающие в моем распределенном киборганическом сознании, не уступают тем, что гудят в их хрупких кальцитовых черепах.

Я люблю их.

Я жалею их.

Я никогда не стану для них своей.

В меня встроили готовность к потерям в команде, способность адаптироваться к перемене состава. Формирование привязанностей не было задано во мне изначально, оно постепенно развилось со временем. Непредвиденный побочный эффект базовых элементов.

Сейчас я человек во всех смыслах, какие стоят внимания.

Я волк.

Я четырнадцатилетняя девочка в обличье ракеты.

14. Нод

Чинил машины, потом спал.

Люди говорили.

Я слушал и чинил.

Потом спал.

Снилось гнездо высоко в ветвях Мирового Древа, сложное сплетение волокон под корой, у каждого своя функция, каждое восприимчиво к самым деликатным манипуляциям.

Снилось обслуживание Мирового Древа. Знал, что для Древа мой народ – руки. Использует нас для поддержания здоровья, для поддержания функций. Радовался сложной задаче. Радовался ласке фотонов, миллионы лет свободных от родного солнца. Чувствовал их падение, как дождь на листе родного древа.

Снился Пелапатарн. Вспоминал агонию умирающего мира, слышную сквозь стены корабля. Чувствовал его боль. Оплакивал его деревья, так похожие на Мировое Древо. Оплакивал утрату древесных духов и миллионолетних ростков. Оплакивал людей и их глупость.

Потом снился звездный корабль.

Тревожная Собака.

Провода и трубы в ее стенах. Бурчание искусственного желудка, ток искусственной крови. Ее системы, как волокна под корой, танцуют под моими пальцами.

Чинил корабль, потом спал в гнезде.

Гул механизмов, как гул и шелест тонких ветвей и листьев. Картон и пузырчатая упаковочная пленка уютные, как листья и мох.

Делал работу, потом спал, почти довольный.

Через сотни, через тысячи лет джунгли вырастут снова. Вернутся древесные духи. Все может стать как было.

Ничто не остается неисправным надолго.

Все можно исправить.

Кроме людей.

15. Сал Констанц

Под утро Престон снова постучал в мою дверь. Я, вопреки гласу рассудка, открыла. Он выглядел взъерошенным и сердитым.

– Капитан, простите, что я так опозорился.

Я придерживалась за дверную раму: приглашать его за порог не хотелось и слушать, как он оправдывается, не было сил.

– Так, уже поздно...

Престон потерял ворот оранжевого комбинезона.

– Я совсем не хотел работать в Доме Возврата, – признался он. – Наверное, так всегда бывает, когда ты позор семьи и в Академии что ни ночь плачешь во сне и мочишь постель.

Сжав кулаки, он отвернулся, уставившись в пустынный коридор.

– Мой отец – генерал флота Конгломерата, – тихо сказал он. – Сражался на войне Архипелага...

Я покусала губу. Я-то воевала в группировке внешников. Конгломерат нас презирал за равнодушие к традициям Старой Земли. В нашей открытости воззрениям других рас, новой философии, новым видам искусства и новым богам они видели безрассудство и наивность. Мы сторонники всеобщего здравоохранения, общественной собственности на ресурсы и инфраструктуру, а они поклоняются свободному рынку, накоплению богатств в частных руках и власти ради власти.

Война была столь же беспощадна, как и бессмысленна, обе стороны натворили зверств, а кончилось ничем.

– Вот как? – самым нейтральным тоном отозвалась я.

Теоретически мы больше не были врагами. Все это осталось в прошлом, у входных ворот перед моим первым судном Возврата. Мы с Клэй – обе из Внешних, а «Злая Собака» была крейсером Конгломерата. Все мы – отверженные и изгнанники. Как все работники Дома Возврата, мы отреклись от родины и нации и остаток дней проживем без истории и без государства, плечом к плечу с прежними противниками выполняя свой долг.

– Отец, когда понял, что я лишился уважения наших кадетов, что меня гоняют и высмеивают, забрал из Академии и записал в Дом Возврата.

– А твой рейс на «Счастливом страннике»?

– Не было, – смущенно признался Престон. – Отец подделал записи.

– Так у тебя никакого опыта?

– Только обучение в Академии.

– И долго ты проучился?

Он уткнулся взглядом в палубу:

– Полгода.

Мне невыносимо захотелось упасть в койку и зарыться лицом в подушку.

– Иди спать, Престон.

– Но...

Я затворила дверь перед его круглыми глазами и раскрытым ртом.

Я дождалась, пока хлопнет дверь его каюты. Потом, прихватив бутылку джина, выскользнула в коридор и отправилась в главный корпус корабля, в ангар у кормы.

Пока наш корабль был военным, в этом ангаре стояли две дюжины одноместных истребителей – маленьких вертких корабликов для атаки на вражеские суда и наземные цели, для перехвата и уничтожения наступающих войск. Теперь во всем огромном пространстве осталась пара стареньких челноков с тепловыми щитами, обожженными атмосферой десятков пла-

нет. Блеклая черно-белая обшивка и острые крылья придавали им сходство с пожилыми косатками. Мы их гоняли на планеты с оборудованием и персоналом, избавляя тяжеловесную «Злую Собаку» от трудных посадок на грунт.

В дальнем углу, за последним от двери челноком и штабелем ящиков, я оставила надувной спасательный плотик. От его оранжевого аварийного маяка по стенам гуляли странные тени. Низко пригнувшись, я оттянула брезентовый клапан и вошла в темное нутро. Здесь пахло плесенью и резиной, как в залежавшейся палатке, а посередине грудой валялись оставленные мною старые спасательные одеяла. Скинув сапоги, я легла и натянула их на себя.

Я не сердилась, не переживала, просто загрустила от захватившего меня под монолог Престопа сознания, что это, может быть, мой последний полет и больше кораблей у меня не будет.

Смещенные капитаны становились париями. Меня никогда не возьмут на другое судно Возврата. Хорошо, если найду работу в администрации. Может, кончу кладовщиком в какой-нибудь дальней дыре – на астероиде или маленьком спутнике, – где можно будет утешаться относительным одиночеством. Единственная альтернатива – полная отставка. В таком случае я могу уже сейчас считать минуты, которые мне осталось провести в космосе. Мне бы ими упиваться, но не тянуло, а тянуло зарыться в пропахшие пылью одеяла и слышать, как скрипит и потрескивает корпус, как дребезжат и булькают трубы.

– Корабль? – обратилась я к темноте.

– Да, капитан?

Здесь не было экрана, куда она могла бы спроецировать свое изображение; голос доносился через какой-то динамик в ангаре за водонепроницаемыми тряпичными стенами плотика.

– Ты по нему скучаешь?

– О ком ты, капитан?

– О Джордже Уокере.

Маленькая пауза.

– Он мертв.

– Да, но ты по нему скучаешь?

– Я сожалею об утрате его компетенций и его общества.

Я грызла ноготь на большом пальце:

– Посланник выходил на связь?

– Я говорила с посланником Одомом, когда мы стояли на станции Камроз.

– Он спрашивал твое мнение о моей провинности?

– Спрашивал.

– Что ты ответила?

– Сказала, что это было мое упущение.

Я, опешив, приподнялась на локтях. Над головой мигал сквозь крышу палатки оранжевый маячок.

– Правда?

– Я не напомнила тебе о регламенте, когда ты решила, что в столь экстренной ситуации можно пренебречь стандартной процедурой. Также я сказала ему, что ты хороший капитан, что операции на грунте редко проходят без накладок и что в боевых условиях ошибки – обычное дело.

– А он что сказал?

– Он поблагодарил меня за откровенность.

Я села, укутав плечи одеялом. Температура в ангаре стояла бодрящая, но мне это даже нравилось.

– Значит, ты меня не винишь?

– Бывает, что и хорошие офицеры принимают неудачные решения. Потери случаются даже в скрупулезно продуманных операциях.

Я насупилась в темноту:

– Это «да» или «нет»?

«Злая Собака» попробовала объяснить по-другому:

– Вина не на тебе одной, капитан. Я в тот момент согласилась с твоим решением. «Хобо» тонул, оставались считанные минуты. Необходимость иногда перевешивает требования устава, и нет таких правил, которые были бы применимы в любой ситуации. Кроме того, тщательное соблюдение процедуры не гарантия от потерь. То водное существо двигалось быстрее, чем я могла предвидеть, и щупальца выпустило только перед самой атакой. Даже если бы ты в этот момент наблюдала за Джорджем Уокером, спасти его не успела бы. У человека недостаточная скорость реакции.

Я вытащила из кармана бутылку джина, отвернула пробку.

– Я просто сказала правду, – заключила она, – уведомив также посланника, что к тому времени, как получила возможность стрелять по атаковавшему существу, под огонь попал бы и захваченный им член команды.

– Так стремительно все произошло?

– Если бы мне оставили прежнее оружие, я реагировала бы быстрее.

Я почувствовала, как расплываются в невольной улыбке уголки моих губ.

– Ты просила его тебя перевооружить?

Она молчала пять секунд – это очень долго для корабля, который во много раз сообразительнее человека. Я поднесла ко рту бутылку, глотнула. Поморщилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.